

QVOD
SVPERIVS
EST

SICVT
QVOD
INFERIVS
EST

АРХОНТЫ

Сборщики Loosh, Тюремная Планета
и скрытая экономика
человеческого сознания

ANIMAE
CAPTIVAE
MVNDVS

CORPORA
SOMNIA
ALVNT

COGNITIO
LIBERAT

IGNORANTIA
ALIT

ALDEN VEYNE

Alden Veyne

Архонты

<https://litres.ru/74506847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если древние архонты, гностический демиург, теория Loosh Роберта Монро и современная концепция Prison Planet — не случайные идеи, а части одного большого вопроса о природе человеческого сознания, страдания и скрытого контроля? Эта книга исследует происхождение образа архонтов, связь между гностицизмом, эзотерикой, посмертными переживаниями, идеей реинкарнационной ловушки и современной культурой заговора. Перед вами не фантастический роман, а интеллектуальное расследование на стыке истории религий, философии, мистики и оккультной традиции. Книга не навязывает готовую веру, а помогает увидеть, где заканчивается древний источник и начинается современная интерпретация.

Содержание

ПРОЛОГ — ФЕРМА	6
ЧАСТЬ I — ПРАВИТЕЛИ	12
Глава 1. До архонтов	12
Глава 2. София и раскол	21
Глава 3. Ялдабаоф — слепой творец	32
Глава 4. Архонты	44
Глава 5. Проблема человека	58
ЧАСТЬ II — ТЮРЬМА	72
Глава 6. Мир, созданный в неведении	72
Глава 7. Судьба и правители сфер	85
Глава 8. Чаша забвения	99
Глава 9. Врата после смерти	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Alden Veyne

Архонты

АРХОНТЫ

Сборщики луша, планета-тюрьма

и скрытая экономика человеческого сознания

ALDEN VEYNE

© Alden Veyne, 2026

Все права защищены.

Ни одна часть настоящего издания не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковой системе или передана в какой-либо форме и какими-либо средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иным способом — без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением кратких цитат, используемых в обзорах, критических материалах и иных случаях, предусмотренных действующим законодательством.

Эта книга посвящена истории идей, религиозным и эзотерическим представлениям, свидетельствам, интерпретациям и теориям, связанным с гностицизмом, Робертом Монро, концепцией луша и современной гипотезой «планеты-тюрьмы».

Описание религиозных, мистических, паранормальных и метафизических утверждений не означает, что автор представляет их как установленные научные факты. Там, где это необходимо, в книге проводится различие между историческими источниками, личными свидетельствами, позднейшими интерпретациями и современными спекулятивными теориями.

Все цитаты, исторические материалы и ссылки на источники приводятся исключительно в исследовательских, образовательных и критических целях.

Автор: Alden Veyne

Первое русское издание, 2026

ПРОЛОГ — ФЕРМА

Представьте себе ферму. Не такую, какую рисуют на упаковках молока: зелёное поле, красный сарай, солнце над холмами и довольные животные за белой изгородью. Настоящую ферму. Систему. Каждое существо внутри неё рождается в мире, который существовал задолго до него. Оно не выбирает правила. Не знает, кто построил ограждения. Не понимает, почему одни ворота открываются, а другие всегда остаются закрытыми. Для животного ферма — это не ферма. Это мир. Небо над ним настоящее. Земля под ногами настоящая. Голод настоящий. Боль настоящая. Удовольствие тоже настоящее. Оно может прожить всю жизнь, ни разу не задав единственного вопроса, который изменил бы всё: зачем существует это место?

Человек смотрит на такую ферму снаружи и сразу понимает её устройство. Он видит то, чего не способен увидеть тот, кто родился внутри. Он знает, что кормление не обязательно является проявлением доброты. Что безопасность может быть частью системы эксплуатации. Что изгородь существует не для защиты обитателей фермы от внешнего мира, а для того, чтобы они не покинули её. Что их жизнь имеет назначение, о котором им самим никто не сообщает. Именно здесь начинается неприятная мысль. Не утверждение. Не вера. Мысль. А что, если существует уровень, с которого че-

ловеческий мир выглядит примерно так же?

Эта идея гораздо старше интернета, форумов о теориях заговора и современных рассказов о «матрице». Почти две тысячи лет назад некоторые религиозные движения поздней античности рассказывали совсем не ту историю сотворения мира, которую позднее привыкла слышать большая часть христианского мира. В их космологиях материальная реальность не всегда была совершенным творением высшего Бога. Между человеком и высшим, непостижимым источником существования находились другие силы. Правители. Власти. Архонты. Существа, связанные с устройством низшего космоса. В некоторых текстах их главный правитель не изображён великим и всеведущим Создателем. Напротив: он ограничен. Он не понимает собственного происхождения. Он считает себя высшей силой именно потому, что не способен видеть то, что находится над ним.

Человек же оказывается существом необычным. Он принадлежит этому миру — и одновременно не вполне принадлежит ему. Внутри него скрыто нечто, что пришло свыше. И если человек вспомнит, кто он на самом деле, устройство всей системы перестанет казаться таким очевидным. На протяжении столетий подобные представления оставались главным образом предметом истории религий, древних рукописей и споров специалистов. Затем появилась другая история. Она родилась не в пустынях Египта и не среди религиозных общин первых веков нашей эры. Она появилась в Америке

XX века. Её автор не называл себя гностиком. Он не начинал с архонтов. Он вообще пришёл к своей странной картине реальности совсем другим путём.

Его звали Роберт Монро. Монро описывал переживания, во время которых, по его словам, сознание могло действовать вне обычных границ физического тела. В течение многих лет он пытался исследовать эти состояния, повторять их, описывать и создавать систему ориентиров для того, что считал нефизической реальностью. А затем в одной из своих книг он рассказал историю, которая спустя годы станет центральной для совершенно новой современной мифологии. Историю о веществе. Или энергии. Или продукте. Он назвал его Loosh — луш. Луш. В описании Монро Земля на мгновение переставала выглядеть просто планетой, на которой случайно развилась жизнь.

Она становилась чем-то другим. Местом производства. Садам. Системой, в которой живые существа создавали нечто ценное для кого-то ещё. Кто этот «кто-то»? Монро не дал простого ответа. Именно поэтому всё, что произошло с этой историей позже, чрезвычайно важно. Другие люди дали ответ за него. Они посмотрели на древних архонтов. Посмотрели на луш. Посмотрели на человеческую боль, страх, войны, насилие, любовь, привязанность, смерть и бесконечный цикл рождения новых поколений. И соединили точки. Так появилась одна из самых мрачных современных моделей человеческого существования. Планета-тюрьма. Соглас-

но её наиболее радикальной версии, человек не просто живёт и умирает.

Он участвует в цикле. Сознание воплощается. Забывает. Живёт. Испытывает эмоции. Страдает. Умирает. А затем возвращается обратно. Снова забывает. Снова начинает сначала. Вокруг этой идеи постепенно вырос целый мир представлений: ловушка света после смерти, стирание памяти, просмотр прожитой жизни, «владыки кармы», контракты души, лунная матрица, существа-сборщики и система, заинтересованная в том, чтобы человек никогда окончательно не покидал цикл. Проблема в том, что очень скоро границы исчезли. Древние тексты, личные переживания XX века, оккультные традиции, рассказы о предсмертных состояниях и современные интернет-теории начали пересказываться так, словно всегда составляли единую систему. Но это не так.

Гностики не писали о «луше». Роберт Монро не объявлял своих Сборщиков архонтами. Древние рукописи не описывали современную теорию лунной матрицы. И если мы хотим понять, существует ли за всеми этими идеями какая-то настоящая закономерность, сначала необходимо перестать смешивать их. Именно этим мы займёмся. Мы начнём не с вывода, а с происхождения. Кто такие архонты в древних текстах? Что в действительности говорили гностики о создателе материального мира? Почему человек считался существом, способным выйти за пределы власти космических правителей? Что именно Роберт Монро написал о лу-

ше? Кем были его загадочные Сборщики? Почему первоначальная история о луше оказалась сложнее, чем популярное утверждение о том, что «кто-то питается страхом»?

И наконец — когда именно две истории, разделённые почти двумя тысячелетиями, встретились и превратились в современную теорию планеты-тюрьмы? Ответ может оказаться менее простым, чем хотелось бы сторонникам любой из сторон. Возможно, перед нами набор мифов, мистических переживаний и более поздних интерпретаций, которые человеческий разум связал в единую историю. Возможно, разные эпохи просто использовали разные символы для описания одного и того же человеческого страха: ощущения, что мир устроен не ради нас. Возможно, архонт — это религиозный образ. Ферма — метафора. Луш — попытка дать название переживанию, которое невозможно проверить обычными средствами. Но существует и другая возможность.

Именно она заставляет людей возвращаться к этим историям снова и снова. Что, если совпадения не случайны? Что, если разные люди в разные эпохи пытались описать нечто похожее, используя доступный им язык? Что, если древний человек называл это властью архонтов, человек XX века — системой производства луша, а человек XXI века — тюрьмой сознания? Эта книга не попросит вас поверить в это. Но она не попросит вас и отвергнуть это заранее. Мы будем двигаться медленно. От текста к тексту. От идеи к идее. От древнего мифа к современному свидетельству. Мы будем от-

делять то, что действительно написано в источниках, от того, что было добавлено позже.

И лишь в самом конце вернёмся к ферме. Потому что главный вопрос этой книги не в том, существуют ли архонты именно такими, какими их представляет современное воображение. И даже не в том, существует ли луш. Главный вопрос гораздо неприятнее. Если бы человек действительно родился внутри системы, созданной не для него, — как именно он мог бы это понять? Животное внутри фермы видит изгородь. Но не знает, что это изгородь. Видит корм. Но не знает его назначения. Видит ворота. Но не знает, что находится по другую сторону. И самое важное: оно принимает устройство фермы за устройство мира.

Возможно, это всего лишь метафора. Но прежде чем мы сможем решить, насколько далеко она простирается, нам придётся вернуться почти на две тысячи лет назад. К людям, которые утверждали, что этот мир никогда не был нашим настоящим домом. И к существам, которым они дали имя: Архонты.

ЧАСТЬ I — ПРАВИТЕЛИ

Глава 1. До архонтов

Слово «архонт» звучит так, словно оно всегда принадлежало миру тайных учений. Сегодня его легко встретить рядом с рассказами о невидимых хозяевах человечества, энергетических паразитах, контроле сознания и планете-тюрьме. Но первоначально в самом этом слове не было ничего сверхъестественного. Греческое ἄρχων означало правителя, начальника, того, кто обладает властью. Архонтами могли называть людей. Политических должностных лиц. Тех, кто управляет. Лишь позднее, в определённых религиозных космологиях, это обычное слово получит совершенно иной вес. Чтобы понять, как земной «правитель» превратился в космического надзирателя, необходимо сначала войти в мир, существовавший до появления той системы, которую сегодня принято называть гностицизмом.

И здесь возникает первая проблема. Самого единого «гностицизма» в том виде, в каком мы иногда его себе представляем, вероятно, никогда не существовало. Не было одной гностической церкви. Не было единого пророка. Не существовало утверждённого канона, общего символа веры или центральной организации, объяснявшей последователям, во

что именно они должны верить. Под словом «гностицизм» современные исследователи объединяли множество разных учений и текстов, которые иногда действительно напоминают друг друга, а иногда расходятся настолько сильно, что попытка представить их одной религией начинает создавать больше проблем, чем решать. Некоторые исследователи сегодня вообще предпочитают пользоваться этим словом крайне осторожно.

Это важно. Потому что дальнейшая история архонтов часто пересказывается так, будто когда-то существовала единая тайная религия, знавшая всю правду о мире, и эта религия оставила после себя стройное учение о планете-тюрьме. Историческая картина намного сложнее. И намного интереснее. Во II и III веках нашей эры Средиземноморье представляло собой пространство, в котором сталкивались религии, философские школы и мистические традиции. Христианство ещё не обладало той единой институциональной формой, которую приобретёт позднее. Разные общины спорили о природе Христа, происхождении мира, воскресении, душе, спасении и даже о том, какого Бога следует считать истинным. Иудаизм также не существовал в интеллектуальной изоляции.

Греческая философия давно проникла в культурную среду восточного Средиземноморья. Платонические представления о мире форм и видимой реальности, рассуждения о душе и космосе, библейские истории сотворения, апокалип-

тические рассказы об ангелах и небесных сферах — всё это существовало рядом. Из этого мира и возникли тексты, которые позднее будут названы гностическими. Но они не просто повторяли существующие идеи. Они производили один чрезвычайно радикальный переворот. Они ставили под сомнение саму ценность сотворённого мира. Для большей части религиозного мышления вопрос звучал приблизительно так: как человеку жить правильно внутри мира, созданного Богом? Некоторые гностические тексты задавали другой вопрос: а что, если проблема заключается в самом мире?

Это различие трудно переоценить. Посмотрите на привычный рассказ о сотворении. Бог создаёт мир. Мир имеет порядок. Человек занимает в нём своё место. Даже если жизнь наполнена страданием, само существование космоса не является ошибкой. В платоновской философской традиции мы также встречаем фигуру демиурга — мастера, устроителя космоса. Но у Платона этот мастер не злодей. Наоборот. Он благ. Он смотрит на вечный совершенный образец и стремится устроить вселенную настолько хорошо, насколько позволяет природа создаваемого мира. Позднее слово «демиург» будет использовано совсем иначе. Некоторые гностические авторы сохраняют идею создателя видимого мира, но лишат его высшего статуса.

Создатель окажется не абсолютным Богом. Над ним будет существовать реальность, о которой он либо знает лишь частично, либо не знает вообще. Это один из тех интеллекту-

альных поворотов, после которых знакомая история начинает выглядеть совершенно иначе. Представьте человека, которому всю жизнь говорили: создатель вашего мира — высшее существо. А затем ему сообщают: нет. Он всего лишь местный правитель. И возможно, он сам этого не понимает. Здесь начинает формироваться пространство, в котором позднее появятся архонты. Но пока мы ещё не дошли до них. Сначала необходимо понять слово, стоящее в центре всей этой религиозной картины.

Гнозис. Знание. Однако речь шла не просто о знаниях в обычном смысле. Не о том, чтобы прочесть больше книг. Не о том, чтобы изучить тайный список фактов. Гнозис представлялся как знание, которое меняет положение человека в самой структуре реальности. Человек узнаёт не только нечто о мире. Он узнаёт, кто он. Откуда пришёл. Почему оказался здесь. И куда должен вернуться. Такое знание не обязательно сообщало человеку новые правила поведения. Оно меняло его идентичность.

Представьте заключённого, который родился в огромном здании. Он не видел внешнего мира. Не знает, что существует небо. Он считает коридоры, камеры и внутренние дворы всей реальностью. Можно научить его лучше жить внутри здания. Можно рассказать, какие двери нельзя открывать. Как получить больше еды. Как избежать наказания. Но существует знание совершенно другого типа. Кто-то говорит ему: это не весь мир. Ты находишься внутри сооружения.

Есть внешняя сторона. И ты не родился для того, чтобы оставаться здесь навсегда. Для многих гностических космологий именно это различие становится решающим. Человек обладает чем-то, что не принадлежит полностью материальному миру.

В нём присутствует элемент высшей реальности. И трагедия человеческого положения заключается не просто в грехе или неправильном поведении. Трагедия заключается в неведении. Человек забыл своё происхождение. Он принимает низший мир за единственный. Принимает его законы за абсолютные. Принимает хозяев этого мира за высшую власть. Поэтому спасение требует пробуждения. Не только прощения. Не только послушания. Пробуждения. Позднее эта идея станет одной из причин, почему современные читатели увидят в древних текстах сходство с теориями контроля сознания и планеты-тюрьмы. Но здесь необходимо остановиться. Древний текст нельзя заставлять говорить языком XXI века. Когда автор позднеантичного трактата пишет о неведении, он не обязательно говорит о «программировании сознания».

Когда он описывает космические сферы, он не обязательно имеет в виду энергетическую решётку вокруг Земли. Когда появляются архонты, это ещё не означает, что перед нами существа, питающиеся человеческими эмоциями. Все эти соединения возникнут значительно позже. Сначала существовал иной вопрос: почему мир, созданный божественной силой, выглядит несовершенным? Это одна из древнейших

проблем религиозной мысли. Если высшая реальность совершенна, откуда берётся зло? Если Бог благ, почему существует страдание? Почему человек способен ощущать, что он предназначен для чего-то большего, но одновременно оказывается заключённым в теле, подчинённом боли, болезни, старению и смерти? Разные традиции отвечали на эти вопросы по-разному.

Некоторые гностические системы предложили чрезвычайно смелое решение. Они разделили источник высшей реальности и создателя материального космоса. Высшее начало оставалось совершенным. Ошибка возникала ниже. Где-то между абсолютной божественной полнотой и нашим миром происходил разрыв. Катастрофа. Нарушение порядка. И из этого нарушения возникала низшая реальность. Мы ещё увидим несколько версий этой истории. Они отличаются друг от друга. Но в наиболее известной из них огромную роль играет София. Мудрость. Её действие становится началом цепочки событий, которая приведёт к появлению странного существа. Создателя, не знающего собственного происхождения. Ялдабаофа. А вместе с ним — правителей его мира.

Архонтов. И всё же даже здесь необходимо помнить: перед нами не одна неизменная мифология. Одни тексты описывают космос одним способом. Другие — иначе. Даже имена, последовательность событий и число небесных сил могут различаться. Поэтому открытие библиотеки Наг-Хаммади

оказалось настолько важным. До середины XX века значительная часть того, что было известно о гностических группах, приходила от их противников. Особенно от раннехристианских авторов, писавших против учений, которые они считали еретическими. Один из важнейших среди них — Иринеи Лионский. Около 180 года он создал масштабное сочинение против различных учителей и групп, утверждавших, что обладают особым знанием.

Для историка этот труд бесценен. Но существует очевидная проблема. Если мы хотим понять человека, а всё, что сохранилось, — обвинительное заключение его врага, картина неизбежно будет неполной. Иринеи стремился не просто описывать. Он опровергал. Он хотел показать, что разнообразные соперничающие учения являются ложными отклонениями от истинной веры. Поэтому на протяжении столетий «гностики» оставались во многом людьми, которых мы знали через тех, кто с ними спорил. Затем, в 1945 году, возле египетского города Наг-Хаммади произошло событие, радикально изменившее ситуацию. Были обнаружены древние кодексы. В них находилось более пятидесяти текстов. Не все они одинаковы.

Не каждый из них можно безоговорочно назвать гностическим. Но среди них сохранились произведения, позволяющие услышать идеи, ранее известные главным образом через пересказ противников. «Апокриф Иоанна». «Ипостась архонтов». «О происхождении мира». «Евангелие от Филиппа».

па». «Евангелие истины». И другие. Теперь перед исследователями находились не только обвинения против еретиков. Перед ними были сами тексты. И из них постепенно проявилась картина гораздо более сложная, чем простое противостояние «христианства» и «гностицизма». Некоторые произведения глубоко христианские. Другие используют библейские сюжеты, но радикально переосмысливают их. Некоторые напоминают философские трактаты. Другие — откровения. Диалоги. Мифы. Мистические инструкции. Они не говорят одним голосом.

Но в части этих текстов снова и снова возникает структура, которая будет особенно важна для нашей истории. Существует высший мир. Существует разрыв. Существует низший создатель. Существует материальный космос. Существуют силы, управляющие его уровнями. И существует человек, внутри которого находится нечто, превосходящее этот космос. Если эта схема кажется удивительно современной, следует помнить: для её древних авторов она не была теорией заговора. Она была ответом на религиозный вопрос. Почему мы здесь? Почему мир одновременно прекрасен и жесток? Почему человеческое сознание способно представить вечность, но тело обречено умереть? Почему человек чувствует себя чужим в мире, частью которого физически является?

Один из ответов звучал так: потому что не всё в тебе происходит отсюда. И если это правда, возникает следующий во-

прос. Кому тогда принадлежит этот мир? Вот здесь заканчивается предыстория. До сих пор мы находились среди философов, религиозных общин, спорящих христиан, древних мифов и попыток объяснить несовершенство космоса. Теперь перед нами начинает возникать сама система. Сначала происходит разрыв в высшей реальности. Затем появляется создатель. Он строит собственный мир. Он окружает себя властями. И эти власти получают имя, которое спустя почти две тысячи лет неожиданно вернётся в книги, лекции, форумы и современные теории о скрытом устройстве человеческой жизни.

Архонты. Но прежде чем встретиться с ними, необходимо понять событие, без которого их история вообще не начинается. Историю Софии. И ошибку, которая, согласно одному из самых влиятельных гностических мифов, изменила устройство реальности.

Глава 2. София и раскол

Если материальный мир не был создан высшим Богом, возникает очевидный вопрос. Кто тогда его создал? Но прежде появляется другой. Как вообще мог возникнуть несовершенный мир, если в начале существовало совершенство? Некоторые гностические тексты отвечают на этот вопрос историей Софии. Её имя означает Мудрость. И это создаёт первый парадокс. Катастрофа, которая приведёт к возникновению низшего космоса, начинается не с воплощённого зла. Не с демона. Не с силы, существующей извечно напротив Бога. Она связана с Мудростью. Чтобы понять смысл этой истории, необходимо сначала представить реальность, которая существует до нашего мира. В ряде гностических космологий высшая область называется Плеромой — Полнотой.

Это не место в обычном географическом смысле. Не небо над облаками. Не планета и не иной физический мир. Плерома представляет собой божественную полноту, уровень бытия, в котором высшая реальность существует вне несовершенства материального космоса. Здесь появляются эоны. Само слово может означать «век» или «вечность», но в подобных текстах эоны — это проявления или аспекты божественной полноты. Их нельзя без оговорок называть богами в привычном политеистическом смысле. Скорее они обра-

зуют сложную структуру высшего мира. Разные тексты располагают их по-разному. Имена меняются. Последовательности меняются. Количество меняется. Поэтому нет смысла строить одну универсальную карту Плеромы и объявлять её единственно «гностической».

Для нашей истории важнее другое. София находится внутри этого высшего порядка. А затем происходит нарушение. В «Апокрифе Иоанна», одном из наиболее важных текстов для понимания этой космологии, София желает произвести нечто из самой себя. Она действует без согласия высшего Духа и без участия своего партнёра. Её мысль приобретает реальность. Но результат отличается от существ высшего мира. Он несовершенен. Чужд. И его облик описывается как устрашающий: змеиное тело, львиное лицо, глаза, подобные вспышкам огня. София видит то, что возникло. И понимает, что произошло нечто неправильное. Она скрывает своё произведение. Окружает его светящимся облаком.

Отделяет его от мира бессмертных. И даёт ему имя. Ялдабаоф. Эта сцена позднее станет одним из самых известных эпизодов всей гностической мифологии. Но именно здесь современные пересказы часто делают историю слишком простой. София «согрешила». Родила чудовище. Чудовище создало Землю. Такой пересказ удобен. Но древний материал сложнее. Во-первых, различные тексты рассказывают об этом по-разному. В «Ипостаси архонтов» мы встречаем Пистис Софию — Софию, связанную с верой и мудростью, — и

несколько иную последовательность появления материи, тени и низшего правителя. В трактате «О происхождении мира» повествование снова меняется. Там хаос, тень, Пистис София и появление первого правителя организованы иначе.

Это родственные мифологические структуры. Но не идентичные рассказы. Во-вторых, поступок Софии нельзя без осторожности переводить на язык обычной человеческой морали. Мы имеем дело не просто с историей женщины, которая нарушила запрет. Это космологический миф. Он пытается объяснить, как множественность, несовершенство и неведение могли появиться внутри картины мира, исходящей из совершенного источника. София становится точкой разрыва. До неё — Полнота. После — возможность недостатка. И именно слово «недостаток» здесь особенно важно. Низший мир возникает не потому, что абсолютное зло оказалось равным противником высшему Богу. Он возникает как следствие удалённости. Неполноты. Неведения. Можно представить это как отражение.

Есть оригинал. Затем появляется копия. Затем копия копии. На каждом уровне структура сохраняет что-то от первоначального образца, но становится всё менее совершенной. В некоторых гностических системах именно таким образом низший космос несёт в себе следы высшего порядка и одновременно искажает его. Это объясняет странную двойственность материального мира. Он не выглядит полностью хаотическим. В нём есть порядок. Математика. Красота. Зако-

номерность. Жизнь. Сознание. Но рядом с этим существуют разрушение, болезнь, хищничество, голод, страх, старение и смерть. Для автора подобного мифа это можно было понимать не как противоречие, а как след. Мир способен отражать высшую реальность, потому что отдалённо происходит из неё.

Но он не является самой этой реальностью. И вот появляется существо, которое этого не знает. Самое важное качество Ялдабаофа в этих текстах — не просто жестокость. Неведение. Он появляется отделённым от Плеромы. Он не видит того, что находится выше. Не знает собственного происхождения. Но при этом обладает силой, полученной через Софию. Это сочетание — власть и неведение — становится центральным для всей последующей истории. Правитель обладает реальной властью в пределах своего мира.

Однако его представление о реальности ошибочно. Он не знает, что существует нечто выше него. Не знает, что его сила не первоначальна. Не понимает источник того, чем обладает. Отсюда рождается его знаменитое заявление: он объявляет себя единственным Богом. Современный читатель может легко увидеть в этом образе тирана. Правителя, который контролирует небольшой мир и принимает пределы собственной территории за пределы бытия. Но для древнего текста здесь имеется ещё один слой. Заявление Ялдабаофа обнаруживает его слепоту. Если бы он действительно был высшим Богом, ему не пришлось бы ошибаться относитель-

но существования высшей реальности. Его высокомерие является следствием невежества.

Он уверен именно потому, что не знает. В «Ипостаси архонтов» эта характеристика доведена почти до формулы. Правитель получает имя Самаэль — «слепой бог». Слепота здесь не обязательно относится к физическим глазам. Она описывает космическое состояние. Он смотрит на реальность и не видит её полностью. Для нашей дальнейшей истории это принципиально. Потому что архонты, которые вскоре появятся, будут происходить именно от такого правителя. Не от высшей Полноты напрямую. Не от абсолютного источника. А от существа, которое уже находится внутри разрыва.

Отсюда возникает двухэтажная картина власти. Есть высшая реальность. И есть администрация низшего мира. Для человека, находящегося внутри низшего мира, эта администрация может казаться абсолютной. Но гностический миф утверждает: она не абсолютна. Представьте город, окружённый высокой стеной. Жители родились внутри него. Они никогда не видели ничего за стеной. Городом управляет правитель. Его законы распространяются на каждую улицу. Его стража контролирует ворота. Его имя произносят во всех учреждениях. Его портреты находятся повсюду. Для жителей он может казаться властителем всего существующего. Но власть над городом — ещё не власть над вселенной. Если сам правитель никогда не покидал стен, он тоже может ошибочно считать город всем миром.

Это очень близко к логике рассматриваемого мифа. Вот почему одна из самых радикальных идей здесь состоит не в существовании злого существа. Она состоит в возможности локальной божественности. Существа, которое для обитателей определённого уровня действительно выглядит богом, потому что обладает властью создавать, управлять и наказывать, но которое всё равно не является высшим источником существования. Для позднеантичного религиозного сознания это был взрывоопасный переворот. Особенно когда рассказ начинал соприкасаться с книгой Бытия. Создатель мира говорит: «Я Бог, и нет иного». В обычном монотеистическом прочтении подобное утверждение подтверждает абсолютный статус Бога. В гностическом пересказе те же слова могут служить доказательством обратного.

Почему он заявляет, что другого Бога нет? Потому что не знает о существовании того, кто выше. Текст меняет не саму фразу. Он меняет точку зрения. Это один из характерных приёмов гностической переработки библейского материала. Знакомая история остаётся узнаваемой. Но её моральные полюса сдвигаются. Создатель больше не обязательно является высшим благом Богом. Змей в раю позднее тоже может приобрести совершенно иной смысл. Запрет на знание начинает выглядеть подозрительно. А человеческая способность к познанию превращается из возможного нарушения в путь освобождения. Но пока до человека ещё далеко. Сначала Ялдабаоф должен создать собственную систему. И здесь появ-

ляется ещё одна важная деталь.

Низший мир не создаётся совершенно независимо от высшего. Ялдабаоф обладает силой, которую получил от своей матери. Кроме того, структуры, возникающие внизу, часто строятся по образцу того, что существует наверху. Это не создание абсолютной новизны. Это имитация. Копирование. Воспроизведение формы без полного понимания её источника. По этой причине некоторые гностические картины космоса напоминают систему зеркал. Высшие структуры имеют низшие аналоги. Небесные порядки отражаются в низших небесах. Власти появляются как несовершенные соответствия более высоким реальностям. В трактате «О происхождении мира» эта идея выражена особенно наглядно: силы хаоса получают небесные области, троны, храмы, служителей и собственную иерархию.

Возникает целая администрация космоса. То, что находится внизу, хочет выглядеть как то, что находится наверху. Это делает миф удивительно современным по психологическому ощущению, хотя его нельзя превращать в современную теорию. Мы постоянно сталкиваемся с системами, которые получают легитимность через подражание чему-то более высокому. Копия носит форму оригинала. Институт объявляет себя носителем абсолютной истины. Власть представляет себя естественным порядком вещей. Но гностический миф предлагает задать вопрос: откуда на самом деле происходит эта власть? Этим вопросом позднее воспользу-

ются современные интерпретаторы архонтов. Они увидят в древней космологии модель скрытой иерархии. Наверху — неведомая человеку реальность.

Ниже — существа, управляющие системой. Ещё ниже — человек. И поскольку человек не помнит своего происхождения, он принимает промежуточную власть за окончательную. Однако мы ещё раз должны удержать границу. Древние тексты говорят на языке религии, космологии и спасения. Они не описывают государственный заговор. Не говорят о тайных корпорациях. Не используют понятия «частота вибраций», «матрица» или «сбор энергии». Такие слои будут добавлены спустя много веков. Если смешать их сейчас, мы потеряем самое интересное. Потому что древняя идея сама по себе уже достаточно радикальна. Материальная реальность может находиться под властью существа, которое не понимает истинной природы существования.

И человек может содержать в себе нечто, что этому существу не принадлежит. Но почему вообще София допускает возникновение такого мира? Здесь разные тексты снова дают разные оттенки ответа. В «Апокрифе Иоанна» после появления Ялдабаофа София осознаёт недостаток. Она раскаивается. Её состояние меняется. Она стремится исправить произошедшее. Плерома отвечает на её просьбу. Таким образом, рассказ не заканчивается катастрофой. С момента разрыва начинается процесс восстановления. Это чрезвычайно важно для понимания гностической картины. Ес-

ли видеть только злого демиурга и архонтов, можно решить, что перед нами абсолютно пессимистическая религия: мир — тюрьма, человек обречён, власть принадлежит враждебным существам.

Но миф одновременно содержит путь наружу. Ошибка не уничтожила связь с высшим. Свет всё ещё присутствует. Более того, часть этого света окажется там, где низший правитель менее всего хочет его видеть. В человеке. Именно это позднее создаст конфликт между создателями человеческого тела и самим человеком. Архонты попытаются создать существо по образу, который увидят свыше. Они создадут форму. Но не смогут самостоятельно дать ей то, что сделает её по-настоящему живой. Когда свет войдёт в человека, произойдёт нечто, чего его создатели не ожидали. Создание окажется больше своих создателей. Эта тема ещё впереди. Пока необходимо увидеть главное следствие поступка Софии.

Граница появилась. Высшее и низшее больше не совпадают. Плерома и материальный космос становятся различными уровнями реальности. Между ними возникает область власти. И внутри этой области первое существо, обладающее огромной силой, совершает фундаментальную ошибку: оно принимает собственное неведение за абсолютное знание. Есть нечто почти пугающее в этой идее. Не потому, что она доказывает существование какого-либо космического тюремщика. Она ничего подобного не доказывает. А потому, что предлагает необычное определение зла. Зло здесь

может происходить не от существа, которое полностью знает истину и сознательно выбирает противоположность добру. Оно может происходить от власти, которая не знает, насколько ограничено её знание.

От системы, считающей себя всей реальностью. От создателя, не знающего собственного создателя. Неведение получает возможность строить миры. Именно поэтому Ялдабаоф интереснее обычного демона. Демон обычно знает, против чего он восстаёт. Ялдабаоф, по крайней мере в наиболее влиятельной версии этого мифа, не понимает даже того, что существует над ним. Он не пытается занять трон высшего Бога. Он считает, что трон уже принадлежит ему. Его трагедия и его опасность происходят из одного источника. Он слеп. Но обладает властью. София смотрит вниз на результат разрыва. Ялдабаоф смотрит вокруг и видит только тьму, воду и самого себя.

За пределами его восприятия существует Плерома. Но он её не видит. И потому произносит слова, которые определяют всё, что произойдёт дальше: другого Бога нет. После этого он начинает создавать. Небеса. Власти. Служителей. Правителей. Собственную копию космического порядка. И вместе с ней рождается система, в которой человек однажды окажется существом одновременно созданным ею и чуждым ей. Но чтобы понять эту систему, нам необходимо сначала встретиться с её архитектором. Не с архонтами. С тем, кто создаст архонтов. Со слепым богом. С львиноликим правителем. С

демиургом, который уверен, что выше него никого нет. С Ялдабаофом.

Глава 3. Ялдабаоф — слепой творец

У него несколько имён. И каждое из них говорит о нём больше, чем обычное имя. Ялдабаоф. Саклас. Самаэль. В «Апокрифе Иоанна» эти имена относятся к главному правителю низшего мира — существу, появившемуся вследствие действия Софии и оказавшемуся отделённым от той реальности, из которой происходила его сила. Первое имя стало самым известным. Ялдабаоф. Его происхождение и точная этимология остаются предметом обсуждения. Предлагались разные объяснения, и потому было бы ошибкой выбирать одну красивую расшифровку и выдавать её за установленный факт. Но два других имени значительно прозрачнее. Саклас. Глупец. Самаэль. Слепой бог. Уже здесь древний автор общается читателю, как следует понимать фигуру создателя.

Его главная характеристика — не всемогущество. Не мудрость. Не абсолютное зло. Неведение. Он могуществен. Но не знает. Он создаёт. Но не понимает источник собственной способности создавать. Он правит. Но не видит пределов своей власти. Именно это делает его опасным. Современное воображение привыкло к злодею, который знает правду и сознательно скрывает её. Он строит заговор. Контролирует других. Имеет план. Ялдабаоф гораздо страннее. В наиболее влиятельных версиях мифа он не просто обманывает остальных. Сначала он обманывается сам. Он действительно

оказывается внутри реальности, границы которой принимает за границы всего существования. Если перед ним нет ничего выше, значит, выше ничего нет.

Если он не видит Плерому, значит, Плеромы не существует. Если он способен создавать, значит, он и есть высший Творец. Так работает его логика. Она ошибочна. Но внутри его собственного горизонта кажется безупречной. В этом заключается смысл слепоты. Не отсутствие глаз. Отсутствие перспективы. Ялдабаоф видит мир вокруг себя. Но не видит мир над собой. Он способен исследовать собственное царство, но не способен выйти за пределы уровня, к которому принадлежит. Поэтому его самое знаменитое заявление одновременно является демонстрацией силы и признанием ограниченности. «Я Бог, и нет другого». В библейском контексте подобные слова утверждают уникальность Бога.

В ряде гностических текстов они получают противоположную функцию. Само заявление становится доказательством невежества говорящего. Это один из самых смелых приёмов древней гностической интерпретации. Текст не обязательно отвергает знакомую фразу. Он меняет личность того, кто её произносит. Вместо высшего Бога её говорит низший создатель. И тогда слова, которые должны были означать абсолютное знание, начинают означать космическую слепоту. Он говорит, что другого Бога нет, потому что не знает того, кто находится выше него. Некоторые тексты немедленно отвечают ему голосом свыше. Есть другой. Есть

то, чего он не видит. Его власть реальна. Но она не абсолютна.

Именно это различие необходимо удерживать на протяжении всей книги. Ялдабаоф не является бессильным. Если бы он был просто нелепым существом, его роль не имела бы смысла. Его трагедия состоит как раз в том, что он обладает огромной властью. Он способен создавать порядок. Способен порождать правителей. Способен организовать космос. Способен воздействовать на человека. Его ограниченность не уничтожает его силу. Она определяет способ, которым он этой силой пользуется. Можно быть достаточно сильным, чтобы построить систему, и недостаточно мудрым, чтобы понять, что система основана на неполном знании. Эта идея находится в центре мифа. Ялдабаоф создаёт не хаотически.

Он строит. Он организует. Устанавливает уровни. Назначает власти. В некоторых версиях он формирует семь правителей, связанных с небесными сферами. В других структура более сложна. Имена и числа могут отличаться. Но общий мотив сохраняется: низший космос имеет администрацию. Мир не просто существует. Им управляют. И его главный правитель воспроизводит структуры, которые сам не способен полностью понять. Он создаёт по образцу. Отражает высшее в низшем. Но отражение искажено.

Представьте человека, который на мгновение увидел сложнейшую машину. Он не знает принципов её работы. Не понимает математику, лежащую в основе конструкции. Не

знает назначения половины деталей. Но обладает ресурсами, чтобы попытаться построить копию. Внешняя форма может оказаться узнаваемой. Некоторые части даже будут работать. Но отсутствие понимания неизбежно проявится в устройстве самой машины. Именно таким образом можно читать образ низшего творца. Не как создателя из ничего. А как подражателя. В этом смысле слово «демиург» особенно интересно. Оно происходит из греческой философской традиции и первоначально вовсе не обозначало злого бога. В «Тимее» Платона демиург — благой устроитель.

Он смотрит на вечный образец и приводит космос к порядку. Он желает, чтобы всё было настолько хорошим, насколько возможно. Гностический миф совершает радикальную перестановку. Мастер остаётся. Космос остаётся. Создание порядка остаётся. Но статус мастера меняется. Он больше не является мудрым устроителем, сознательно ориентированным на высший образец. Теперь он творит в неведении. Эта разница полностью меняет смысл мира. Если совершенный мастер создаёт совершенный мир, необходимо объяснить, почему результат не соответствует его совершенству. Но если сам создатель ограничен, несовершенство мира перестаёт быть загадкой. Мир похож на своего архитектора. Он содержит порядок. Но этот порядок неполон.

Он способен производить жизнь. Но жизнь связана со смертью. Сознание стремится к безграничному. Но тело ограничено. Любовь существует рядом с насилием. Красо-

та — рядом с распадом. Рождение автоматически содержит возможность болезни, старения и смерти. Для гностического мифа всё это может быть не случайным дефектом идеального проекта. Дефект находится глубже. В самом уровне, на котором был создан проект. На этом этапе фигура Ялдабаофа становится чем-то большим, чем персонаж древней религиозной истории. Он воплощает определённую проблему власти. Что происходит, когда создатель системы сам находится внутри большей системы и не знает об этом? Человек обычно предполагает, что тот, кто устанавливает правила, понимает их окончательный смысл.

Но это не обязательно так. Администратор может знать правила и не знать, почему они существуют. Правитель может контролировать территорию и не понимать мир за её пределами. Создатель может управлять собственным производением и ошибаться относительно источника своей власти. Иерархия не гарантирует всеведения. Это один из самых необычных философских выводов гностической космологии. То, что находится выше тебя, не обязательно находится наверху всего. Позднее эта идея станет чрезвычайно привлекательной для современных эзотерических интерпретаций. Любое необычное существо, встретившееся человеку в изменённом состоянии сознания, можно будет представить как промежуточную сущность. Любого «бога» — как правителя определённого уровня.

Любую небесную администрацию — как ещё один этаж

системы. Но древний текст не даёт нам права автоматически переносить эту модель на каждое современное свидетельство. Он лишь создаёт сам принцип: между человеком и высшим источником могут существовать силы, обладающие реальной властью и всё же не являющиеся высшими. Именно этим архонты будут отличаться от абсолютного Бога. Но Ялдабаоф стоит во главе их мира. В некоторых текстах он получает образ льва и змеи. Этот облик не случаен. Лев связан с властью, силой, царственностью. Змея несёт целый комплекс древних символических значений. В современной эзотерической литературе львиноликий образ иногда пытаются связать с конкретными видами внеземных существ или энергетических сущностей.

Для этого древние источники не дают достаточных оснований. Мы имеем дело прежде всего с мифологическим образом. Попытка превратить каждый древний символ в биологическое описание уничтожает тот самый слой текста, который мы хотим понять. Но символическая форма всё равно важна. Создатель выглядит не как совершенный человек. Не как безграничный свет высшей реальности. Он гибриден. Странен. Он принадлежит промежуточному космосу. В нём одновременно присутствуют могущество и дефект. София скрывает его от высшего мира. Он растёт внутри области, которую принимает за всё существующее. Затем начинается его творчество. Он создаёт себе власти. И здесь древняя история приобретает черты почти политической мифологии.

Правитель не остаётся один. Власть производит власть. Создаёт должности. Подчинённых. Иерархию. Сферы ответственности. Надзор. То, что было индивидуальным неведением одного существа, превращается в систему. Это крайне важный переход. Пока существует только Ялдабаоф, перед нами проблема одного заблуждающегося творца. Когда появляются архонты, перед нами уже порядок. Структура способна переживать отдельного участника. Она воспроизводит собственную логику. Каждый нижестоящий правитель получает долю власти и действует внутри системы, основанной на первоначальном заблуждении. Поэтому название «Саклас» — Глупец — не делает его безобидным. Глупость, соединённая с огромной властью, может быть опаснее ясного зла. Злой человек может знать, что причиняет вред.

Глупый правитель может считать вред порядком. Может считать ограничение защитой. Подчинение — естественным состоянием. Контроль — правильным устройством мира. Он не обязательно должен просыпаться утром с желанием причинить страдание. Достаточно того, что его понимание реальности ошибочно, а возможности велики. Гностический миф радикален именно здесь. Неведение — не пассивное отсутствие информации. Оно становится творческой силой. Оно создаёт мир. Создаёт институты. Создаёт тела. Создаёт условия, в которых другие существа тоже забывают. Всё начинается с одного существа, которое не знает, что находится выше него. Затем внутри его мира появляются существа,

которые не знают, что находятся выше него они сами.

Неведение распространяется вниз. И каждый новый уровень принимает предыдущий за окончательный. Получается своеобразная цепь забвения. Ялдабаоф не знает Плерому. Архонты подчиняются Ялдабаофу. Человек позднее рождается внутри системы архонтов. Если человек ничего не узнаёт о собственном происхождении, он воспринимает систему как естественный космический порядок. Так ошибка одного уровня становится реальностью следующего. В этом смысле гнозис представляет опасность для всей структуры. Не потому, что знание автоматически разрушает материю. А потому, что оно разрушает ошибку относительно статуса власти.

Представьте заключённого, которому охранник говорит: за этой тюрьмой ничего нет. Если заключённый верит, власть охранника кажется абсолютной. Если заключённый узнаёт о внешнем мире, физические стены никуда не исчезают. Охранник всё ещё вооружён. Дверь всё ещё закрыта. Но произошло принципиальное изменение. Заключённый больше не путает власть внутри здания с властью над всей реальностью. Именно это делает знание освобождающим. Оно изменяет масштаб. Ялдабаоф может быть богом своего мира. Но не Богом всего существующего. Он может быть создателем человеческого тела. Но не источником той части человека, которая происходит свыше. Может устанавливать законы космоса. Но не обладать окончательной властью над духом.

Поэтому конфликт, который скоро возникнет вокруг че-

ловека, оказывается неизбежным. Ялдабаоф способен создавать форму. Но внутри этой формы появится нечто, превосходящее его. В некоторых версиях мифа это происходит почти как ловушка, устроенная высшей реальностью. Высшие силы используют собственную гордость демиурга против него. Он и его архонты видят образ свыше. Решают воспроизвести его. Создают человеческую форму. Но она остаётся безжизненной. Чтобы оживить её, Ялдабаоф отдаёт то, что сам получил от Софии. Силу. Свет. И в этот момент часть того, что делало его могущественным, оказывается внутри человека. Последствия огромны. Человек открывает глаза. И становится больше, чем ожидали его создатели.

Вместо послушного произведения появляется существо, способное превзойти тех, кто его сделал. Тогда отношение архонтов к человеку меняется. Возникают зависть. Страх. Попытка ограничить. Попытка заставить забыть. Именно эта линия позднее станет особенно важна для современных сторонников теории планеты-тюрьмы. Они увидят здесь древний прототип истории о человечестве, которое содержит ценную энергию или божественную сущность и удерживается существами, заинтересованными в сохранении контроля. Но мы ещё не можем сделать такой вывод. Гностическая «искра» — не луш. Она не описывается как пища. Не является продуктом человеческой боли. Её происхождение и функция совершенно иные. Если позднее между этими идеями возникнет связь, нам придётся проследить, кто её создал и

на каком основании.

Иначе мы совершим именно ту ошибку, которую эта книга пытается избежать: прочитаем древний текст через современную теорию и затем объявим современную теорию древней. Пока Ялдабаоф не фермер. Он творец. Правитель. Демиург. Слепой бог. Создатель системы, которой он приписывает абсолютный статус. И даже его отношение к злу требует осторожности. Не все древние группы изображали низшего создателя одинаково. В некоторых гностических и близких к ним системах демиург скорее ограничен и невежествен, чем абсолютно злонамерен. В других он становится более явно враждебным. У валентиниан, например, картина может быть значительно менее дуалистичной, чем в некоторых сетхианских текстах.

Поэтому фраза «гностики считали Бога Библии злым демоном» слишком груба, чтобы быть хорошим историческим описанием. Одни тексты действительно проводят чрезвычайно резкое различие между высшим Богом и создателем космоса. Другие выстраивают более сложную иерархию. Для нас главным остаётся конкретный мифологический комплекс, связанный с Ялдабаофом и архонтами. И здесь отношение к библейскому создателю действительно подвергается радикальной переоценке. Его ревность превращается в недостаток. Его заявление об исключительности — в признак невежества. Его запреты могут выглядеть как попытки контроля. Его создание человека — как событие, послед-

ствия которого он сам не способен предусмотреть. Эта переработка особенно заметна в истории Эдема.

В традиционном христианском прочтении человек нарушает божественную заповедь и падает. Но некоторые гностические тексты смещают центр истории. Знание становится угрозой не для человека, а для правителей. Почему человеку запрещено есть от дерева знания? Потому что знание может открыть ему правду о собственном состоянии. Тогда знаменитый змей, роль Евы и сам смысл запрета могут быть переосмыслены. Но прежде чем дойти до сада, необходимо понять тех, кто устанавливает запреты. Ялдабаоф не правит пустым миром. Он окружает себя архонтами. Он наделяет их властью. Он создаёт небесные сферы. И каждый правитель получает собственное место в системе.

На этом этапе космология начинает напоминать древнюю модель небес, где планеты, судьба и духовные силы связаны между собой. Для человека путь вверх становится не простым движением. Это прохождение через территории власти. Через сферы. Через правителей. И именно здесь слово «архонт» окончательно перестаёт быть обычным названием должностного лица. Оно становится названием космической силы. С этого момента главный вопрос меняется. До сих пор мы спрашивали: кто создал этот мир? Ответ некоторых текстов: Ялдабаоф.

Теперь возникает следующий вопрос: кто помогает ему управлять? Ответ будет определять всё дальнейшее. Архон-

ты — не просто декоративные персонажи вокруг демиурга. Они являются механизмом его власти. Они связывают миф о неправильном создателе с непосредственным положением человека. Через них космология становится системой контроля. Через них абстрактный разрыв между Плеромой и материей превращается в иерархию. Через них возникает идея, что между человеком и освобождением находятся реальные препятствия. И гораздо позднее именно они станут теми существами, которых современные авторы попытаются отождествить со Сборщиками Монро. Но до Монро ещё почти две тысячи лет. Мы не будем перепрыгивать через это расстояние.

Сначала необходимо увидеть архонтов такими, какими они появляются в собственных текстах. Не энергетическими паразитами. Не инопланетянами. Не рептилиями. Не цифровыми администраторами Матрицы. Правителями. Властями. Стражами низшего космоса. Существами, чья сила реальна внутри мира, который они контролируют, но чьё знание ограничено тем же миром. И над всеми ними стоит тот, кто первым совершил ошибку. Он посмотрел на собственное царство. Не увидел ничего выше. И решил, что этого достаточно. Ялдабаоф. Саклас. Самаэль. Творец. Глупец. Слепой бог. Три имени. Одна фигура. И мир, построенный существом, которое не знает, что само является частью чего-то большего.

Глава 4. Архонты

До сих пор у системы был один правитель. Теперь их становится много. И именно в этот момент древний миф начинает приобретать форму, которая спустя почти две тысячи лет сделает его настолько привлекательным для современных теорий о скрытом управлении человеческим миром. Ялдабаоф не остаётся один. Он создаёт власти. Правителей. Архонтов. Само слово, как мы уже видели, не означало изначально демона или сверхъестественного паразита. Архонт — это тот, кто правит. Начальник. Властитель. Человек, занимающий должность. Но в ряде гностических текстов обычный политический термин переносится на космос. И это меняет всё. Потому что космос перестаёт быть просто пространством.

Он становится территорией. А территория предполагает управление. В «Апокрифе Иоанна» Ялдабаоф порождает целый ряд властей и распределяет между ними области. Текст называет двенадцать правителей. Семеро получают власть над семью небесами. Ещё пятеро — над глубинами бездны. Затем структура усложняется ещё сильнее. Возникают дополнительные силы. Ангелы. Подчинённые. Иерархии. В одной из версий повествования число таких низших существ достигает 365. Современному читателю легко потеряться в этих списках. Атоф. Хармас. Калила-Умбри. Ябель. Адо-

найос. Саваоф. Каин. Авель. Абрисене. Йобель. Армупи-эль. Мельхеир-Адонеин. Белиас. И это только одна группа имён. Далее появляются новые. Транслитерации различаются. Коптские рукописи передают греческие или семитские формы не всегда одинаково.

Разные современные переводы также могут давать разные варианты. Но если сосредоточиться исключительно на именах, можно упустить главное. Функция важнее списка. Архонты образуют систему управления низшим космосом. Они — не просто спутники демиурга. Они делают его власть структурированной. Это принципиальное различие. Один тиран может исчезнуть. Система продолжает существовать. Один правитель может ошибаться. Иерархия способна превратить его ошибку в закон. То, что начиналось как неведение Ялдабаофа, теперь получает уровни, должности и исполнителей. Миф о слепом создателе превращается в миф об управляемой реальности. И здесь появляется идея, которая станет центральной для всей нашей истории. Между человеком и высшим миром существуют посредники.

Но они не помогают ему подняться. По крайней мере не все. Некоторые стоят на пути. В позднеантичной картине мира небеса редко представлялись пустым пространством. Космос был организован слоями. Земля находилась внизу. Над ней располагались небесные сферы. Планеты двигались по своим путям. Звёзды отмечали более высокий уровень. За видимым небом могла начинаться область, уже не принадле-

жащая обычному материальному космосу. Подобная многоуровневая вселенная не была уникальной для гностиков. Её элементы существовали в греческой философии, астрологии, герметических текстах и различных религиозных традициях. Но некоторые гностические авторы придали этой космической архитектуре особый смысл. Сферы стали не только уровнями пространства.

Они стали уровнями власти. Каждый уровень мог иметь своего правителя. А движение вверх означало не просто перемещение. Оно превращалось в пересечение границы. Это уже совсем другая картина вселенной. Представьте государство, разделённое на провинции. Чтобы покинуть его, недостаточно просто идти на север. Необходимо пересекать контрольные пункты. Показывать документы. Отвечать на вопросы. Доказывать право на проход. Чем больше границ, тем сложнее путь. В некоторых позднеантичных текстах именно так выглядит посмертное восхождение души. Она проходит через небесные области. И на пути встречает силы, обладающие властью остановить её. Иногда требуется знание. Имя. Знак. Формула. Ответ. Смысл такого знания очевиден.

Если правитель контролирует границу, необходимо знать, как лишить его власти над собой. Здесь гнозис перестаёт быть просто внутренним просветлением. Он становится своего рода пропуском. Не в буквальном бюрократическом смысле. Но структура напоминает именно это. Тот, кто знает происхождение, не обязан подчиняться тому, кто управ-

ляет низшим уровнем. Тот, кто не знает, остаётся внутри системы. Вот почему архонты связаны с неведением настолько тесно. Они не просто существуют внутри мира. Их власть зависит от того, что человек принимает этот мир за окончательную реальность. Если человек считает низший космос всем существующим, власть его правителей выглядит абсолютной.

Если узнаёт о Плероме, масштаб меняется. Архонт остаётся архонтом. Но перестаёт быть богом. Это различие может показаться философским. Для древнего мифа оно было практическим. Спасение означало освобождение от власти космоса. И потому космические правители должны были быть преодолены. Но что именно они контролировали? Здесь древние системы снова расходятся. В одних текстах акцент делается на небесных сферах. В других — на создании человека. Где-то важна астрологическая власть. Где-то — страсти тела. Где-то архонты действуют как противники откровения. Где-то они становятся участниками истории Адама и Евы. Мы должны сопротивляться желанию превратить все эти варианты в один идеально согласованный каталог.

Такого каталога нет. Существует семейство идей. И внутри этого семейства повторяются несколько мотивов. Первый — власть над космосом. Второй — власть над телесным и психическим человеком. Третий — связь с судьбой и необходимостью. Четвёртый — препятствие на пути к высшей

реальности. И пятый — фундаментальное неведение самих правителей. Последний пункт особенно важен. Архонты могущественны. Но они не мудры в абсолютном смысле. Они наследуют ограниченность собственного создателя. Поэтому их система может быть чрезвычайно сложной и всё же оставаться построенной на неправильном представлении о реальности. Это один из самых необычных мотивов гностической мысли: сложность системы не доказывает её истинность.

Порядок не доказывает совершенство. Закон не доказывает высшую справедливость. И власть не доказывает право. Для древнего мира это было радикально. Но именно эта идея объясняет, почему современные читатели так легко узнают в архонтах знакомую структуру. Не обязательно существ. Структуру. Мир, в котором правила существуют до твоего рождения. Мир, в котором тело подчиняется законам, которых ты не выбирал. Мир, в котором время движется только в одном направлении. Где рождение автоматически означает будущую смерть. Где желание рождает зависимость. Где страх способен управлять поведением. Где человек ощущает себя свободным и одновременно обнаруживает, что огромное количество обстоятельств определено заранее.

Древний автор мог назвать такую власть судьбой. *Neimarmene*. Не просто судьбой в бытовом смысле — «так получилось». Речь идёт о космической необходимости. Системе причин, влияний и предопределённых связей, которой

подчинён человек как часть мира. Особенно сильной такая идея была в культурах, где астрология воспринималась серьёзно. Если положение небесных тел в момент рождения связано с судьбой человека, тогда планетарные силы становятся чем-то большим, чем далёкие объекты в небе. Они участвуют в управлении жизнью. И именно здесь архонтическая модель соприкасается с древней астрологической вселенной. Семь классических небесных светил, различных без телескопа, — Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн — формировали основу широко распространённой семисферной модели.

Поэтому семь космических правителей естественным образом могли пониматься в связи с планетарными сферами. Но и здесь необходимо быть осторожными. Нельзя взять любую гностическую таблицу из семи имён и без дополнительных оснований раздать каждому архонту современно стандартизированную планету, будто существовала единая официальная схема. Источники не настолько аккуратны. Одни традиции дают одни соответствия. Другие — другие. Где-то связь очевидна. Где-то только предполагается исследователями. Где-то система вообще развивается в ином направлении. Древний религиозный мир редко обладал той математической чистотой, которую современные схемы придают ему задним числом. Но сам принцип семи небесных правителей имеет огромное значение.

Он делает космос закрытым. Земля находится не рядом с

высшим миром. Она окружена уровнями. Чтобы вернуться к источнику, необходимо пройти через них. И каждый новый слой увеличивает дистанцию между человеком и Плеромой. Отсюда возникает одна из самых сильных метафор всей гностической космологии. Космос как тюрьма. Нужно сразу уточнить: не каждый древний текст использует именно эту формулировку. И мы не должны автоматически вкладывать современное выражение «планета-тюрьма» в уста авторов II или III века. Но структура легко приводит к такой метафоре. Земля находится внутри системы сфер. Сферы управляются низшими властями. Человек принадлежит системе телом и душевными страстями.

Высший элемент человека происходит из-за её пределов. Правители препятствуют возвращению. Если нарисовать эту модель, сходство с тюремной архитектурой возникает почти само собой. Стены. Слои. Стражи. Ворота. И узник, забывший, что существует внешняя сторона. Однако древний человек понимал эту «тюрьму» не так, как современный сторонник теории заговора. Это не обязательно был физический купол над Землёй. Не технологическое поле. Не инопланетная установка. Не электромагнитная решётка. Космическая тюрьма была одновременно онтологической и духовной. Человек находился внутри мира становления. Внутри времени. Внутри судьбы. Внутри тела. Внутри желаний. Внутри невежества. Стены находились не только над ним. Они проходили через него самого.

И именно здесь образ архонтов становится ещё сложнее. В «Апокрифе Иоанна» правители связаны не только с небесными областями. Текст распределяет множество сил по частям человеческого тела. Одни связаны с головой. Другие — с шеей. Руками. Внутренними органами. Ногами. Чувствами. Восприятием. Воображением. Импульсами. Современный читатель может легко увидеть здесь утверждение о буквальных существах, управляющих каждым органом. Но гораздо продуктивнее сначала заметить структуру: человек создаётся как микрокосм. Его телесная организация отражает космическую организацию. То, что находится в большом мире, повторяется в малом. Космос имеет правителей. Тело имеет управляющие силы. Сферы окружают Землю. Материальные и психические слои окружают внутренний свет человека.

Поэтому освобождение — это не бегство физического объекта из одной точки пространства в другую. Это освобождение истинного человека от всего, что ошибочно определяло его идентичность. Тело говорит: ты — это я. Страсть говорит: ты — это твоё желание. Страх говорит: ты — это то, чего боишься потерять. Судьба говорит: ты — это роль, назначенная тебе системой. Гнозис отвечает: нет. По этой причине знание представляет угрозу для архонтического порядка. Если заключённый считает себя камерой, ему даже не приходит в голову выйти. Если человек считает себя только телом, всё, что угрожает телу, получает над ним абсолютную

власть.

Если он считает социальную роль своей полной сущностью, потеря роли разрушает его. Если принимает желания за собственную природу, тот, кто способен управлять желаниями, способен управлять им. Древние тексты не формулируют всё это языком современной психологии. Но их мифическая логика движется в похожем направлении. Освобождение начинается с обнаружения ложной идентификации. Архонты правят тем, что относится к их миру. Проблема возникает тогда, когда человек забывает, что не всё в нём относится к этому миру. Это приводит нас к одному из самых странных моментов мифа о создании человека. Архонты решают создать существо. Почему? Потому что видят отражение высшего образа.

В некоторых рассказах из высшей области появляется образ человека — небесного Адама, первичного Человека или формы, которую низшие силы пытаются воспроизвести. Они говорят приблизительно: создадим человека по увиденному образу. Это переворачивает знакомую формулу Книги Бытия. Человек создаётся «по образу». Но архонты не являются источником самого образа. Они его копируют. Опять повторяется тот же мотив. Низший мир способен воспроизводить высшее. Но не способен самостоятельно породить его сущность. Правители создают тело. Собирают его части. Организуют структуру. Но созданное лежит неподвижно. Форма есть. Жизни нет. И тогда начинается событие, которое изме-

нит отношения между человеком и архонтами.

Через хитрость высшей реальности Ялдабаоф передаёт созданному часть силы, происходящей от Софии. Человек оживает. И сразу возникает проблема. Он оказывается сильнее, чем ожидали его создатели. Не физически. Он несёт то, чего они сами не могут произвести. Свет. Связь с высшей областью. Потенциал знания. И в этот момент создатели собственного произведения начинают его бояться. Это чрезвычайно важный мотив. Архонты создают оболочку. Но не владеют полностью тем, что оказывается внутри неё. Если эта идея кажется похожей на современный рассказ о существах, выращивающих людей ради некоего ценного внутреннего продукта, необходимо сразу поставить границу. Древний текст пока не говорит о продукте.

Не говорит о сборе эмоций. Не говорит, что архонты питаются божественной искрой. Не описывает её как ресурс, который можно регулярно извлекать из человека. Это будет критически важно, когда мы дойдём до луша. Сходство структуры существует. Но сходство — ещё не тождество. Здесь свет — причина превосходства человека над его создателями. Он является основанием освобождения. Он не представлен как урожай. Именно после оживления человека конфликт усиливается. Архонты видят, что создание способно подняться выше них. Их реакция в разных текстах выражается по-разному. Зависть. Страх. Подчинение. Попытка заключить человека в материальность. Сделать его забывчи-

вым. Удержать.

Отсюда развивается целый ряд мифов, связанных с Адамом, Евой, садом и деревом познания. Знакомая библейская история вновь переворачивается. Кто действительно желает, чтобы человек не знал? Почему ему запрещено знание? Почему пробуждение воспринимается властями как угроза? Если знание ведёт вверх, тогда неведение удерживает внизу. И тогда архонты оказываются не просто правителями пространства. Они становятся правителями состояния сознания. Это не значит, что древние авторы говорили о «контроле сознания» в современном технологическом смысле. Но они действительно связывают власть низшего мира с неведением. Человек, который не знает, откуда происходит, легче остаётся внутри системы. В этом смысле главный инструмент архонтов — не цепь.

Забвение. И всё же архонты не всегда изображаются абсолютно одинаково. Даже внутри родственных текстов существуют интересные исключения. Один из самых важных примеров — Саваоф. В некоторых повествованиях этот правитель слышит голос высшей Софии, понимает, что его отец Ялдабаоф ошибается, и меняет сторону. Он осуждает своего создателя. За это его возвышают. Он получает свет и власть более высокого порядка. Эта деталь разрушает слишком удобную современную схему, согласно которой все архонты представляют один биологический или метафизический вид, навсегда объединённый общей целью. Древний

миф способен допустить переход. Архонт может узнать. Может изменить своё положение. Снова главный критерий оказывается не происхождением.

Знанием. Тот, кто узнаёт более высокий порядок, перестаёт полностью принадлежать неведению. Это ещё одна причина не превращать древние тексты в научно-фантастический справочник видов существ. Архонт — прежде всего функция внутри космологии. Правитель низшего порядка. Его положение определяется отношением к знанию, власти и высшей реальности. Когда сегодня кто-то говорит: «архонты — это рептилоиды», или: «архонты — это инопланетная цивилизация», или: «архонты являются существами из другого измерения, питающимися страхом», он делает интерпретационный шаг, которого сами древние тексты не делают. Это не означает автоматически, что современная гипотеза невозможна. Это означает лишь одно: она современная. Если мы хотим исследовать связь между древним и современным, мы обязаны сначала сохранить их отдельно.

Иначе связь будет создана нами самими. Что же тогда можно сказать об архонтах с достаточной уверенностью? Они — правители. Они принадлежат низшему космосу. Их власть связана с демиургом. Они участвуют в организации мира. В ряде систем связаны с небесными сферами и судьбой. Они участвуют в создании или формировании человека. Они не обладают высшим знанием. И их власть над человеком может быть преодолена через знание его истинного

происхождения. Уже этого достаточно, чтобы понять, почему архонты пережили свои древние тексты. Это необыкновенно сильный образ. Правитель, который не является высшей властью. Система, которая считает себя всей реальностью.

Человек, содержащий то, чего система не способна создать. Знание, которое лишает систему абсолютности. И границы, которые необходимо пройти, чтобы вернуться домой. Всё это существовало задолго до Роберта Монро. Задолго до слова луш. Задолго до интернета. Задолго до выражения «планета-тюрьма». Но между древней моделью и современной пока отсутствует один элемент. Пища. Урожай. Энергия. Зачем архонтам вообще нужен человек? Современные теории дадут на этот вопрос очень конкретный ответ. Древние тексты — гораздо менее однозначный. Именно поэтому мы не имеем права перепрыгнуть через следующие этапы. Сначала необходимо понять человека в самой древней системе. Почему его появление становится проблемой для правителей?

Что именно находится внутри него? Почему архонты пытаются ограничить существо, которое сами помогли создать? Почему знание настолько опасно? И если человек обладает чем-то, пришедшим из мира выше архонтов, могут ли они действительно претендовать на него? Это приводит нас к последней главе первой части. К странному положению человеческого существа. Созданного снизу. Оживлённого свыше.

Живущего внутри системы. Но не принадлежащего ей полностью. Именно в этом заключается проблема человека.

Глава 5. Проблема человека

Архонты создали человека. Но человек оказался не тем, что они создавали. В этой странной формуле заключена почти вся гностическая драма. Правители способны сформировать тело. Способны организовать материю. Способны создать подобие. Но в момент, когда их произведение действительно оживает, внутри него обнаруживается нечто, происхождение чего лежит выше самих создателей. Человек становится проблемой. Не потому, что он физически сильнее архонтов. Не потому, что знает больше. В начале он не знает почти ничего. Он становится проблемой потому, что содержит возможность однажды узнать. В ряде древних текстов история создания Адама радикально отличается от привычного прочтения Книги Бытия.

Правители видят образ. Не создают его первоначально. Видят. Этот образ приходит сверху — из области, превосходящей их собственный космос. Архонты решают воспроизвести увиденное. Они говорят: создадим человека. И начинают строить. Это слово здесь важно. Они собирают форму. Части тела получают своих создателей или управляющих сил. Голова. Глаза. Уши. Позвоночник. Руки. Ноги. Органы. В некоторых версиях повествования перечисление настолько подробно, что человеческое тело выглядит почти как проект, распределённый между множеством исполнителей.

Каждая сила отвечает за свою область. Получается странная космическая анатомия. Человек строится так же, как до него строился космос: иерархически. Часть за частью.

Уровень за уровнем. Сила за силой. Но когда работа заканчивается, возникает неожиданная проблема. Тело лежит неподвижно. Архонты создали форму. Но не смогли создать то, что должно заставить её жить. В «Ипостаси архонтов» эта сцена почти унизительна для правителей. Они вдыхают в человека. Пытаются поднять его. Но их сил недостаточно. Созданное ими существо остаётся на земле. У них есть технология формы — если использовать современную метафору. Но нет источника жизни. И тогда происходит вмешательство сверху. Духовный элемент входит в человека. Адам поднимается. В этот момент отношение между создателями и созданием меняется навсегда. Архонты построили тело.

Но оживившая его сила пришла не от них. Это один из важнейших моментов всей книги. Позднее современные авторы будут говорить о «божественной искре», заключённой внутри человека. Эта формула удобна, и мы тоже будем иногда использовать её. Но следует помнить, что древние тексты не дают единой технической доктрины под названием «теория божественной искры». Разные произведения используют разные образы. Свет. Дух. Сила. Семя. Жизнь. Происхождение свыше. Общая структура, однако, узнаваема. В человеке присутствует нечто, что не принадлежит полностью миру его создателей. Именно это делает его странным существом. Ма-

териально он находится здесь. Телом принадлежит космосу. Подвержен голоду. Сну. Желанию. Боли. Болезни. Старению. Смерти. Но внутри него находится возможность выйти за пределы того порядка, который управляет всем перечисленным. Человек оказывается существом с двойным происхождением. Его оболочка происходит снизу. Его высший потенциал — сверху. И между этими двумя направлениями проходит вся человеческая жизнь. Архонты ожидают увидеть собственное произведение. Но получают существо, способное однажды взглянуть на них сверху вниз. Это становится причиной страха. Зависти. И попытки контроля. В древних текстах зависть играет гораздо большую роль, чем часто замечают современные пересказы. Архонты видят, что человек получил то, чего им самим не хватает.

Он может иметь связь с реальностью, которую они не способны непосредственно познать. В некоторых повествованиях Адам оказывается духовно выше тех, кто его сформировал. Создатели смотрят на своё создание и обнаруживают в нём превосходство. Это переворачивает обычное отношение между мастером и произведением. Статуя не превосходит скульптора. Дом не знает больше архитектора. Машина не обладает происхождением, недоступным инженеру. Но Адам — другое. Архонты создали его форму. Не его окончательную сущность. И потому не имеют полного права собственности над собственным произведением. Если бы гностический миф был современной фантастикой, это могло бы

выглядеть как история инженеров, построивших сосуд, в который неожиданно вошло сознание из мира, о существовании которого инженеры не знали.

Они создали оболочку. Но не того, кто теперь смотрит через её глаза. И что делать с таким существом? Один возможный ответ: заставить его забыть. В «Ипостаси архонтов» есть удивительная сцена. Правители погружают Адама в глубокий сон. И текст сам объясняет смысл этого сна. Сон — это неведение. Это уточнение чрезвычайно важно. Потому что оно показывает, что история не просто рассказывает о физическом сне первого человека. Она превращает библейский эпизод в описание состояния сознания. Неведение действует как сон. Человек жив. Двигается. Видит мир. Работает. Ест. Желает. Боится. Строит планы. Но может всё равно спать в более глубоком смысле.

Он не знает, кто он. Не знает своего происхождения. Не знает структуры мира, внутри которого существует. Именно такое состояние идеально для системы власти. Не обязательно постоянно удерживать того, кто не знает, что может уйти. Тюрьма наиболее эффективна тогда, когда заключённый не понимает, что находится в тюрьме. Ещё эффективнее — когда он считает тюрьму своим естественным домом. Но здесь необходимо соблюдать осторожность. Мы снова приближаемся к современной терминологии «планеты-тюрьмы». Древний текст не говорит о технологии стирания памяти после смерти. Не описывает машину реинкарна-

ции. Не говорит о свете-туннеле, который заманивает душу обратно. Все эти элементы появятся намного позже.

Однако древняя идея уже существует: неведение удерживает человека внутри низшего порядка. Это факт структуры текста. И именно поэтому позднейшие авторы смогут так легко встроить её в современную модель. Если освобождение требует знания, тогда незнание автоматически становится механизмом несвободы. Архонты не обязательно должны строить физическую стену. Достаточно, чтобы человек не понимал, что есть за стеной. Но в истории Адама появляется ещё один персонаж. Женщина. И здесь гностический пересказ становится ещё более неожиданным. В традиционном западном воображении Ева часто оказывается фигурой падения. Она слушает змея. Ест запретный плод. Даёт его Адаму. Через нарушение заповеди человечество теряет первоначальное состояние.

Некоторые гностические тексты почти полностью переворачивают смысл этой истории. Женское духовное начало может выступать не причиной падения, а источником пробуждения. В «Ипостаси архонтов» именно духовная женщина обращается к лежащему Адаму: встань. Он видит её и признаёт в ней ту, кто дала ему жизнь. Это уже совсем другая Ева. Не соблазнительница. Пробуждающая сила. Фигура знания. Жизни. Памяти. Архонты замечают её. И их реакция показывает природу конфликта. Они желают завладеть ею. Но то, что принадлежит высшему уровню, не может быть

захвачено ими так просто. Рассказ использует сложный мифологический образ: духовное женское начало избегает их, оставляя вместо себя подобие, тень, материальное отражение.

Правители пытаются овладеть тем, что видят. Но получают лишь нижний образ. Снова повторяется уже знакомый мотив. Архонты способны действовать с копией. Но оригинал ускользает. Они владеют формой. Не источником. Материей. Не высшим светом. Это различие повторяется настолько часто, что становится ключом ко всей космологии. Низший мир подражает высшему. Но не может полностью присвоить его. Ялдабаоф подражает божественной власти. Архонты подражают небесному порядку. Человеческое тело создаётся по высшему образу. Материальная женщина оказывается отражением духовной. Везде существует оригинал и копия. А трагедия начинается тогда, когда копия объявляет себя единственной реальностью.

Теперь появляется дерево знания. И здесь гностический переворот достигает почти провокационной силы. Правитель запрещает человеку есть от дерева. Почему? В обычном прочтении запрет исходит от Бога, а нарушение становится грехом. Но если говорящий — не высший Бог, а невежественный правитель, смысл меняется. Тогда возникает подозрение: может быть, запрет направлен не на защиту человека, а на сохранение его невежества? В «Ипостаси архонтов» змей получает функцию наставника. Он говорит, что

знание откроет глаза. Даже сам образ змея перестаёт играть однозначно отрицательную роль. Это вовсе не означает, что каждый гностический текст прославляет змея. И тем более не означает существования единой «гностической доктрины змея».

Но в рассматриваемой традиции знакомый библейский символ действительно подвергается инверсии. Запретное знание становится освобождающим. Это логично внутри всей системы. Если архонты правят через неведение, знание неизбежно является угрозой. Поэтому гнозис имеет такое значение. Он не просто сообщает человеку, какие существа существуют на разных небесах. Он разрушает фундаментальную ошибку идентичности. Человек думает: я — только это тело. Гнозис говорит: нет. Человек думает: этот мир — всё существующее. Нет. Человек думает: правитель этого мира — высший Бог. Нет. Человек думает: законы низшего космоса определяют окончательную судьбу всего, чем он является. Нет. Каждое такое «нет» уменьшает власть системы.

Физическое тело остаётся. Боль остаётся. Смерть остаётся. Но меняется тот, кто их переживает. Поэтому освобождение в гностическом смысле нельзя свести к побегу с планеты. Речь идёт прежде всего о восстановлении знания о собственном происхождении. Если человек не изменил фундаментального состояния невежества, простое перемещение из одного мира в другой ничего не решит. Он перенесёт своё

незнание с собой. Вот почему древняя модель одновременно космическая и внутренняя. Архонты находятся над человеком. Но их власть отражается внутри человека. Космическое неведение становится личным неведением. Внешняя иерархия поддерживается внутренней забывчивостью. Правитель говорит: ты принадлежишь мне. Человек отвечает: да, потому что не знает другого происхождения.

Когда знание возвращается, ответ меняется. И здесь появляется ещё одна важная тема. Имитация. Архонтическая система не обязательно побеждает человека грубой силой. Она предлагает ему ложную версию самого себя. Ты — тело. Ты — статус. Ты — страх. Ты — желание. Ты — прошлое. Ты — роль. Ты — то, чем тебя назвал мир. Чем полнее человек принимает эти определения, тем меньше необходимости удерживать его извне. Современному читателю трудно не увидеть здесь психологическое измерение. Но мы должны отличать современную интерпретацию от древнего текста. Гностические авторы не писали учебник по социальной психологии. Не анализировали рекламу, алгоритмы социальных сетей или политическую пропаганду.

Однако их миф действительно основан на идее ложной идентификации. Человек принимает низшее за собственную истинную природу. Именно это должно быть исправлено. Поэтому слово «пробуждение» подходит к гнозису лучше, чем простое «обучение». Обучение добавляет информацию. Пробуждение меняет состояние. Можно изучить сотни тек-

стов об архонтах и всё равно, с точки зрения древней мистической логики, остаться в неведении. Гнозис — не коллекция теорий. Это узнавание. Человек узнаёт собственный источник. И после этого отношения между ним и космосом уже не могут остаться прежними. По этой причине вопрос «верил ли гностик буквально во всех этих существ?» не всегда приводит нас к самому важному.

Для одних древних читателей архонты, вероятно, были вполне реальными космическими сущностями. Для других миф мог нести более философский или мистический смысл. Но в обоих случаях его функция одна: объяснить, почему человеческое положение не соответствует его высшему происхождению. Мы находимся здесь. Но происходили не полностью отсюда. Это убеждение делает человека одновременно слабым и опасным. Слабым — потому что он рождается в неведении. Опасным — потому что способен проснуться. Архонты обладают преимуществом в начале. Они уже управляют системой. Человек появляется внутри готового мира. Он не знает языка высших сфер. Не знает структуры. Не помнит происхождения.

Его тело требует пищи. Его нервная система реагирует на боль. Его психика ищет безопасность. Он привязывается к людям. Боится смерти. Строит жизнь так, словно видимый мир является окончательной сценой существования. С точки зрения архонтической системы всё работает. Но существует дефект. В человеке остаётся след другой реальности.

Он способен задавать вопрос. Почему? Не только: почему я страдаю? Гораздо более опасный вопрос: почему вообще мир устроен именно так? Кому выгоден этот порядок? Является ли он единственно возможным? Должен ли я принимать власть того, кто объявляет себя высшим? Откуда взялось моё сознание? Что происходит после смерти?

Что было до рождения? Что означает чувство, будто я забыл нечто чрезвычайно важное? Эти вопросы сами по себе ещё не являются гнозисом. Но они открывают трещину. Система больше не воспринимается автоматически. Именно в такой трещине древний автор размещает возможность освобождения. Современный читатель может возразить: всё это миф. Возможно. Но необходимо понять силу такого мифа. Он предлагает объяснение одному из наиболее устойчивых человеческих ощущений: мы чувствуем себя частью мира и одновременно чужими ему. Мы полностью зависим от природы. И одновременно способны осмысливать природу как объект. Наше тело состоит из той же материи, что земля, вода и звёзды.

Но сознание задаёт вопрос о смысле всей этой материи. Животное избегает смерти. Человек знает, что умрёт задолго до момента смерти и может провести десятилетия, пытаясь понять, что это означает. Мы способны наблюдать собственные импульсы. Сказать: я чувствую страх, но я — не сам страх. Я испытываю желание, но могу отказаться ему подчиниться. Я имею тело, но вопрос о том, равен ли я телу, оста-

ётся открытым. Именно эту странность гностический миф превращает в космологию. Почему человек способен смотреть на собственную природу со стороны? Потому что его самая глубокая природа не сводится к системе, внутри которой он находится.

Для древнего гностика это было не красивой метафорой. Это было объяснением человеческого положения. И одновременно основанием надежды. Материальный мир может быть ниже Плеромы. Архонты могут управлять сферами. Судьба может связывать человека. Тело может умереть. Но если внутри человека действительно присутствует то, что происходит из высшей реальности, тогда система никогда не владеет им полностью. Она может владеть телом. Но не источником духа. Может создавать обстоятельства. Но не отменить происхождение. Может поддерживать неведение. Но только до момента знания. Вот почему проблема человека становится проблемой для архонтов. Он представляет собой исключение внутри их мира. Объект, который они способны контролировать лишь пока он не понимает собственную природу.

Есть большая разница между рабом и человеком, которого убедили, что рабство является естественным состоянием. Первого необходимо постоянно охранять. Второй охраняет систему сам. Он передаёт её детям. Объясняет им правила. Наказывает тех, кто сомневается. Боится выхода. И может защищать собственную клетку от людей, которые гово-

рят, что существует дверь. Гностическая история о неведении обладает именно такой силой. Но опять же: мы не должны незаметно превратить религиозную мифологию II или III века в описание современной политики. Это не книга о том, что любой социальный институт является архонтической системой. Не книга о том, что каждый начальник — архонт.

Подобные сравнения могут быть метафорически соблазнительными, но они слишком легко превращают сложную древнюю космологию в универсальное слово для всего, что нам не нравится. Архонты важны именно потому, что их исходный смысл конкретнее. Они — космические правители низшего порядка. А человек — существо, которое частично принадлежит их миру и частично превосходит его. Теперь появляется вопрос, без которого мы не сможем перейти дальше. Если человек представляет для архонтов проблему, что именно они хотят от него? В древних текстах есть несколько ответов. Подчинение. Неведение. Удержание внутри космического порядка. Подчинённость судьбе. В некоторых мифах — контроль над человеческим размножением и потомством.

Попытка воспрепятствовать возвращению высшего элемента к своему источнику. Но есть ли там то, что современный читатель ожидает найти после знакомства с теорией луша? Питание? Сбор энергии? Производство эмоционального вещества? Урожай человеческого страдания? Здесь ответ становится намного менее удобным. Мы можем найти тексты

о власти архонтов. О зависти. О неведении. О страстях. О теле. О судьбе. О препятствиях для души. Но переход от этого материала к утверждению: «гностики учили, что архонты питаются человеческой эмоциональной энергией» — требует доказательств. Именно такие доказательства мы должны будем искать отдельно. Потому что если их нет, то одна из самых популярных современных историй оказывается не древним учением, а позднейшим синтезом.

Это не делает её автоматически ложной. Но меняет её происхождение. И происхождение идей имеет значение. Пока мы знаем следующее. Архонтический космос построен на разрыве. Его главный создатель не знает высшего мира. Его правители управляют сферами низшей реальности. Человек появляется внутри их порядка, но получает нечто, чего они не способны произвести самостоятельно. Он забывает своё происхождение. И его освобождение зависит от восстановления знания. Первая часть нашей истории закончена. Перед нами уже есть почти все элементы будущей «планеты-тюрьмы». Низший создатель. Иерархия правителей. Закрытый космос. Человек, происходящий частично извне системы. Неведение. Контроль. Необходимость пройти через уровни власти.

Возможность освобождения через знание. Но одного элемента пока нет. Того самого, который спустя почти две тысячи лет изменит всю картину. Причины, по которой человеческая жизнь могла бы быть полезна системе не только как

объект власти. А как ресурс. Чтобы понять, существовала ли такая идея уже в древности, нам придётся спуститься глубже в устройство архонтического мира. Какой мир они создали? Как действовала судьба? Почему душа должна была проходить через небесных правителей? Что означало забвение? Что ожидало человека после смерти? И главное: есть ли в древних источниках хоть что-нибудь, что действительно напоминает будущую идею урожая?

Теперь мы покидаем вопрос о том, кто правит. И переходим к вопросу о том, как устроено их царство. К тюрьме.

ЧАСТЬ II — ТЮРЬМА

Глава 6. Мир, созданный в неведении

Представление о несовершенном мире легко понять неправильно. Если мир создан существом, которое не знает высшей реальности, значит ли это, что всё здесь должно быть уродливым? Нет. Именно в этом заключается одна из самых интересных особенностей гностического мифа. Мир способен быть прекрасным. Способен иметь порядок. Способен подчиняться законам. В нём могут существовать любовь, музыка, математика, рождение ребёнка, движение планет, сложность живого организма и свет звёзд. И всё же он может оставаться низшим миром. Для гностической мысли несовершенство не обязательно означает хаос в бытовом смысле. Проблема глубже. Мир может быть чрезвычайно хорошо организован и при этом исходить из неполного знания.

Он может быть системой. Но система — ещё не Плерома. Это различие необходимо понять прежде, чем слово «тюрьма» приобретёт настоящий смысл. Тюрьма тоже может быть хорошо построена. Двери работают. Коридоры имеют номера. Вода поступает по трубам. Свет включается по расписанию. Камеры расположены согласно плану. Система функционирует. Её порядок не доказывает, что заключённый сво-

боден. Так же и в некоторых гностических космологиях упорядоченность материального мира не доказывает его высшее происхождение. Она лишь показывает, что его создатели способны создавать порядок. Ялдабаоф не изображён беспомощным. Он не случайно разбрасывает материю. Он организует. Разделяет. Создаёт небесные уровни.

Назначает правителей. Воспроизводит структуры. Формирует космос. Проблема заключается не в отсутствии архитектуры. Проблема — в архитекторе. Он не знает, откуда происходит собственная сила. И потому создаёт мир, исходя из неполной картины реальности. В трактате, который сегодня называют «О происхождении мира», автор начинает с неожиданного утверждения. Хаос не был первым. До него существовало нечто иное. Тьма имеет происхождение. Даже она не абсолютна. Она возникает как тень. Этот образ чрезвычайно важен. Тень существует только потому, что существует свет. Но тень не содержит свет так же, как его источник. Она вторична. Зависима. Если смотреть только на неё и никогда не видеть предмет, который её отбрасывает, можно ошибочно принять тень за самостоятельную реальность.

Именно такую ошибку совершает низший космос. Он существует. Но не является началом. Он обладает структурой. Но не является первоначальной структурой. Он имеет свет. Но не является источником света. В этом мире всё оказывается на один уровень дальше от первоисточника. Поэтому слово «копия» помогает понять происходящее, хотя и его

нельзя использовать слишком механически. Низший порядок отражает высший. В нём существуют небеса. Правители. Троны. Власти. Образы жизни. Но отражение никогда полностью не совпадает с тем, что отражает. Если поставить зеркало под углом, изображение сохранит форму и одновременно исказит её. Если затем поставить второе зеркало напротив первого, появится новое отражение.

Потом ещё одно. Каждая копия будет узнаваема. Но чем дальше она от первоначального объекта, тем труднее определить, где находится оригинал. Гностический космос иногда выглядит именно так. Плерома. Затем разрыв. Затем отражение. Затем правитель, принимающий отражение за источник. Затем мир, созданный внутри этого заблуждения. А затем человек, рождающийся уже внутри готовой системы и не помнящий, что существовало до неё. Получается цепь удалений. И каждый следующий уровень обладает меньшей перспективой, чем предыдущий. Материальный мир в такой модели не является независимым царством абсолютного зла. Он зависим от высшего. В нём сохраняются следы высшего. Именно поэтому он способен быть красивым.

Красота не опровергает гностический миф. Напротив, она может объясняться тем, что даже искажённый мир несёт отпечаток того, что было выше него. Это создаёт необычную двойственность. Человек смотрит на ночное небо и испытывает благоговение. Но те же звёзды в древней космологии могут быть связаны с системой судьбы. Человек любит своё

тело. Но тело стареет. Он способен переживать величайшее счастье. Но знает, что всё, к чему он привязан, может быть потеряно. В мире есть наслаждение. И именно возможность наслаждения делает потерю болезненной. Есть любовь. И поэтому существует скорбь. Есть рождение. И вместе с ним появляется будущая смерть.

Каждая ценность материального существования несёт тень собственной конечности. Поэтому вопрос о природе мира нельзя решить простой таблицей: красивое — значит хорошее; болезненное — значит плохое. Гностический миф предлагает более тревожную картину. Система может содержать настоящее удовольствие и всё равно оставаться системой ограничения. Более того, удовольствие может усиливать привязанность к ней. Это ещё не означает, что древние авторы считали любую радость ловушкой. Разные школы относились к миру и телу по-разному. Некоторые были значительно более аскетическими. Другие не требовали полного отказа от материальной жизни. Но фундаментальная проблема оставалась: может ли человек забыть высшее происхождение потому, что низший мир достаточно убедителен?

Если бы тюрьма состояла только из боли, каждый искал бы выход. Но что, если в ней есть сады? Музыка? Дружба? Сексуальное желание? Вкус пищи? Победы? Дети? Мечты? Тогда вопрос усложняется. Человек уже не просто хочет избежать страдания. Он боится потерять то, что любит. В этой точке низший мир приобретает силу, которой не имела бы

простая камера пыток. Он становится домом. А дом покидать труднее. Современная теория планеты-тюрьмы позднее доведёт эту мысль намного дальше и нередко превратит каждую человеческую привязанность в часть намеренно созданного механизма удержания. Древние тексты не дают нам права автоматически делать такой вывод.

Но они действительно ставят проблему привязанности. Если высшее происхождение человека находится вне материального космоса, тогда всё, что заставляет его считать материальный космос окончательной целью, может препятствовать возвращению. В этом смысле тюрьма начинается не со стены. Она начинается с забвения направления. Представьте путешественника, который остановился в гостинице. Комната удобна. Он прожил в ней много лет. Переставил мебель. Повесил картины. Завёл друзей среди других постояльцев. Со временем забыл, что когда-то направлялся куда-то ещё. Гостиница не обязана быть ужасной, чтобы путешествие прекратилось. Достаточно забыть, что это гостиница. Именно такое забывание станет одной из важнейших тем этой части книги.

Но прежде нужно понять, что делает созданный мир отдельным от высшей реальности. Не расстояние в километрах. Не физический барьер. Различие качества бытия. Плерома в этих текстах не находится просто очень далеко. Она принадлежит другому порядку. Поэтому невозможно построить ракету, пролететь достаточно высоко и попасть ту-

да. Это современная ошибка буквального прочтения древней вертикальной космологии. Когда древний текст говорит «выше», речь может идти одновременно о пространственном образе, иерархии и качестве существования. Высшее — более первоначально. Более полно. Ближе к источнику. Низшее — производно. Ограничено. Связано с изменением. Материя принадлежит миру становления. Всё здесь возникает и исчезает.

Форма не сохраняется навсегда. Даже гора разрушится. Даже звезда погаснет. Даже тело, которое сегодня кажется самым непосредственным доказательством нашего существования, однажды перестанет функционировать. Гностик мог видеть в этой изменчивости не просто естественный процесс. Она показывала статус мира. То, что действительно принадлежит вечной полноте, не должно зависеть от распада. Следовательно, мир распада не может быть окончательной реальностью. Это философский вывод. Но древние мифы превращают его в драму. Мир распада имеет правителей. И его правители сами принимают временное за окончательное. Они управляют областью изменения и объявляют её всей реальностью. Можно сказать, что Ялдабаоф совершает космическую версию ошибки, которую затем повторяет человек.

Демиург говорит: этот мир — всё. Человек рождается внутри него и говорит: эта жизнь — всё. Правитель не знает, что находится выше. Человек тоже не знает. Неведение со-

здателя отражается в неведении создания. Возможно, это самое глубокое значение выражения «мир, созданный в неведении». Речь идёт не только о том, что его архитектор не обладал всей информацией. Неведение становится характеристикой самой системы. Оно воспроизводится. Переходит от уровня к уровню. Проникает в сознание её обитателей. Мир скрывает собственное происхождение. Человек открывает глаза уже внутри результата. Он не присутствовал при создании. Не видел Софию. Не видел Плерому.

Не наблюдал появления Ялдабаофа. Перед ним просто существует Земля. Небо. Тело. Другие люди. Рождение и смерть. Это кажется естественным потому, что ничего другого он не помнит. И здесь возникает фундаментальная проблема проверки. Если ты родился внутри системы, как определить, что система не является всей реальностью? Нельзя выйти наружу обычным способом и посмотреть на неё со стороны. По крайней мере древний человек не мог. Поэтому гностические традиции обращались к откровению. Посланник приходит извне низшего порядка. Сообщает забытое. Напоминает человеку происхождение. И именно поэтому фигура спасителя в таких системах имеет особую функцию. Он приносит не просто моральный кодекс.

Он приносит информацию, которой система не обладает или которую скрывает от своих обитателей. Послание звучит приблизительно так: ты находишься не там, где думаешь. Те, кого ты считаешь окончательной властью, не являются окон-

чательной властью. И ты не тот, кем привык себя считать. Если это знание принимается, архитектура мира психологически меняется мгновенно. Тот же камень остаётся камнем. То же тело остаётся телом. Те же звёзды продолжают двигаться. Но их статус меняется. Они больше не являются всем. Современный человек может сравнить это с персонажем виртуального мира, который узнаёт, что мир является виртуальным. Для остальных жителей ничего не произошло.

Улицы на месте. Физические правила действуют. Еда всё ещё необходима. Боль всё ещё ощущается. Но для человека, увидевшего структуру, мир уже никогда не станет тем, чем был раньше. Эта аналогия полезна. Но и она имеет предел. Древние гностики не говорили о компьютерной симуляции. Плерома — не сервер. Архонты — не программисты. Человеческий дух — не цифровой пользователь, подключённый к аватару. Современные метафоры помогают почувствовать структуру, но не должны подменять источник. И всё же одно сходство остаётся важным. Правила внутри системы могут быть абсолютно реальными, не являясь законами всей реальности. В компьютерной игре персонаж не может пройти сквозь стену.

Стена реальна внутри мира игры. Но программист не обязан подчиняться ей. Подобным образом архонтические законы обладают властью внутри космоса. Но высшая реальность не обязана быть подчинена им. Это даёт нам новое понимание слова «освобождение». Освободиться — не зна-

чит доказать, что мир не существует. Гностический миф не требует считать материю иллюзией в самом примитивном смысле. Боль ощущается. Тело умирает. Законы действуют. Архонтическая власть реальна на своём уровне. Освобождение означает перестать приписывать этому уровню абсолютность. Вот почему знание выше правителя. Правитель способен контролировать пространство. Но знание способно изменить отношение человека к самому пространству. Правитель может установить закон.

Но не может сделать его законом Плеромы. Может создать тело. Но не может превратить происхождение духа в собственное произведение. Может заявить: ты мой. Гнозис отвечает: не полностью. В этом «не полностью» и существует трещина в стене. Однако система обладает ещё одним механизмом. Если простой физической структуры недостаточно, чтобы удерживать человека, необходима структура времени и причинности. Рождение происходит в определённый момент. Тело имеет определённые свойства. События следуют друг за другом. Жизнь развивается внутри ограничений. Древний мир связывал многие из этих ограничений с судьбой. С движением небес. С распределением времени. С силами, управляющими сферами.

В этом месте упорядоченный космос превращается в нечто более тесное. В сеть. В «Апокрифе Иоанна» появляется особенно мрачная формулировка этой идеи. Правители устанавливают судьбу. Из неё, согласно тексту, про-

исходят многочисленные формы неправды, страха и забвения. Создание становится связанным временем, периодами и установленными мерами. Это уже не просто мир материи. Это мир, в котором существование распределено. Измерено. Ограничено. У человека есть начало. Срок. Обстоятельства. Условия, которые он не выбирал. И в древней астрологической картине над всем этим находились небесные силы. Но судьба — тема следующей главы. Пока важно увидеть другое. Тюрьма не была построена как тюрьма в современном архитектурном смысле.

Никто в древнем тексте не показывает нам чертёж с надписью: «Земля — исправительное учреждение». Именно современная культура позднее даст этой структуре такое название. Древние тексты предлагают элементы. Низший космос. Правители. Сферы. Неведение. Судьба. Забвение. Человек, содержащий элемент из высшей реальности. И путь возвращения, который требует преодолеть власть низшего порядка. Если расположить эти элементы рядом, слово «тюрьма» становится понятным. Но оно остаётся нашей метафорой для структуры, а не точной цитатой из древнего учения. Эта осторожность понадобится нам особенно сильно позже. Потому что современная теория планета-тюрьма будет делать именно то, чего мы сейчас избегаем.

Она возьмёт древнюю структуру и сделает её буквально тюремной. Небесные сферы превратятся в энергетические барьеры. Забвение — в технологию стирания памяти. Ар-

хонты — в существа, сознательно поддерживающие цикл. Реинкарнация — в механизм повторного заключения. А человеческая эмоциональная жизнь — в источник ресурса. Получится совершенно новая картина. Она будет похожа на древнюю. Но не будет древней. Чтобы понять, где заканчивается первое и начинается второе, мы должны двигаться медленно. Поэтому сейчас мы не спрашиваем, является ли Земля буквально тюрьмой. Мы задаём более точный вопрос: какие свойства низшего космоса заставляли древнего автора воспринимать освобождение как выход из его власти?

Первое свойство мы уже увидели. Мир вторичен. Он не является высшей реальностью. Второе: его создатель не знает своего истинного происхождения. Третье: власть внутри мира принадлежит существам, которые сами ограничены этим миром. Четвёртое: человек содержит элемент, не сводимый к их системе. Пятое: человек рождается в состоянии неведения. И шестое: сама система устроена так, что низший порядок кажется естественным и окончательным. Это и есть самая сильная стена. Не материя. Не планета. Не небесная сфера. Уверенность, что другого уровня нет. Ялдабаоф первым совершает эту ошибку. Затем она становится принципом его мира. Есть почти совершенная симметрия.

Слепой бог создаёт мир слепых. Не потому, что каждый человек физически не способен увидеть. А потому, что видит только то, что находится внутри доступного ему горизонта. Человек смотрит на небо. Видит звёзды. И думает, что

увидел верх. Гностический миф отвечает: это ещё не верх. Человек изучает законы природы. И думает, что узнал законы всей реальности. Миф отвечает: ты узнал законы этого уровня. Человек видит рождение и смерть. И считает их окончательными границами. Миф снова спрашивает: а если это границы только той системы, в которой ты сейчас находишься? Это не доказательство существования Плеромы.

Не доказательство архонтов. И не доказательство современной теории планеты-тюрьмы. Это логика древней картины мира. Чтобы исследовать её честно, необходимо позволить ей говорить собственным языком, прежде чем мы начнём сравнивать её с позднейшими идеями. И на её собственном языке проблема мира заключается не в том, что он полностью лишён света. Напротив. В нём достаточно света, чтобы казаться настоящим домом. Достаточно порядка, чтобы казаться совершенной системой. Достаточно красоты, чтобы человек мог полюбить его. И достаточно боли, чтобы он постоянно чувствовал, что что-то здесь не так. Возможно, именно сочетание этих двух сторон делает древний миф настолько устойчивым.

Если бы жизнь была только страданием, ответ казался бы простым. Если бы жизнь была только совершенством, вопроса бы не возникло. Но человек оказывается между ними. Он видит красоту мира и одновременно его жестокость. Любит жизнь и боится смерти. Чувствует себя дома и одновременно испытывает странное ощущение изгнания. Для гностическо-

го автора это противоречие не является случайностью. Оно встроено в происхождение космоса. Мир похож на свет, от которого произошёл. Но не является светом. Он способен создавать форму. Но не полноту. Способен удерживать человека. Но не обладает окончательным правом на него. И потому тюрьма никогда не бывает полностью закрыта.

Где-то внутри заключённого находится память о внешней стороне. Иногда почти исчезнувшая. Иногда выраженная только в вопросе. Но достаточно одного вопроса, чтобы стена перестала быть горизонтом. Что находится дальше? Чтобы ответить на него, древний человек поднимал глаза к небесам. И видел не пустое пространство. Он видел сферы. Планеты. Власти. Законы движения. Судьбу. Если материальный космос был царством архонтов, то судьба становилась одним из главных механизмов их власти. Не просто стеной вокруг человека. А системой, проходящей через самую его жизнь. Следующая дверь тюрьмы называлась: судьба.

Глава 7. Судьба и правители сфер

Тюрьма становится гораздо эффективнее, когда стены больше не нужно видеть. Если человек находится внутри камеры, он понимает хотя бы одно: существует ограничение. Но что, если ограничение встроено в саму структуру его жизни? Время рождения. Тело. Характер. Желания. Страхи. Обязательства. Продолжительность жизни. События, которые кажутся случайными. События, которые кажутся неизбежными. В древнем мире для всего этого существовало слово, обладавшее огромным весом. Судьба. По-гречески — *heimarmene*. Но речь шла не просто о бытовом представлении: «так было суждено». Для человека поздней античности судьба могла быть частью самого устройства космоса. Небесные тела двигались по своим орбитам.

Каждое имело собственное влияние. Момент рождения связывал человека с определённой конфигурацией неба. Звёзды и планеты воспринимались не как далёкие куски материи, а как элементы живого и организованного космоса. Астрология была не развлечением на последней странице журнала. Она могла быть способом прочитать структуру необходимости. Если небо определяет или хотя бы отражает земные события, возникает тревожный вопрос: насколько свободен человек? И если космические сферы имеют собственных правителей, то кому именно принадлежит

судьба? В ряде гностических текстов ответ становится мрачным. Судьба принадлежит низшему порядку. Она не является окончательным законом высшей реальности. Она является одним из механизмов мира архонтов.

В «Апокрифе Иоанна» судьба появляется в особом контексте. Главный архонт обнаруживает, что существует поколение людей, чья мысль превосходит его собственную. Он понимает, что не способен полностью овладеть их внутренним светом. И тогда вместе со своими властями создаёт новый механизм. Возникает Судьба. Текст называет её одним из последних и наиболее тяжёлых уз. С ней связываются неправда. Несправедливость. Забвение. Неведение. Тяжёлые предписания. Грех. Страх. Это чрезвычайно сильная последовательность. Потому что здесь судьба не просто описывает будущее. Она связывает. Её функция — ограничение. Человек оказывается включён в сеть причин и обстоятельств, которые существовали до него.

Он приходит в мир уже внутри порядка. Ему не предлагают выбрать правила. Он получает тело. Получает место рождения. Получает семью. Получает эпоху. Получает язык. Получает смертность. И начинает считать всё это естественной формой существования. В обычном человеческом опыте это не кажется тюрьмой. Мы просто говорим: такова жизнь. И именно эта фраза удивительно хорошо выражает проблему, которую пытается описать гностический миф. Такова жизнь. Другого варианта нет. Все рождаются. Все страдают. Все ста-

реют. Все умирают. Некоторые имеют больше. Другие меньше. Некоторые счастливы. Другие несчастны. Но система не обсуждается. Она принимается. Гностическая мысль делает нечто необычное.

Она спрашивает: а почему мы должны считать законы этого мира законами всей реальности? Может быть, они абсолютны только внутри этого космоса? Если так, судьба перестаёт быть высшей волей. Она становится локальным законом. А локальный закон предполагает юрисдикцию. Это слово полезно. Юрисдикция. Область, внутри которой определённая власть имеет право действовать. Архонт обладает властью в своей сфере. Но не за её пределами. Судьба действует внутри низшего космоса. Но не обязательно распространяется на то, что происходит из Плеромы. Так появляется возможность освобождения. Не через изменение одной судьбы на другую. А через выход за пределы уровня, на котором судьба имеет власть.

Это очень важное различие. Современный человек часто понимает освобождение как улучшение обстоятельств. Больше денег. Лучшее здоровье. Более удачные отношения. Более безопасная жизнь. Но для гностического мифа всё это всё ещё находится внутри судьбы. Можно иметь лучшую камеру. Можно иметь более мягкую постель. Можно получить больше свободы движения внутри тюрьмы. Но пока человек принадлежит системе, сам принцип заключения остаётся. Поэтому гнозис направлен не на создание идеальной

судьбы. Он направлен на преодоление её окончательной власти. Это объясняет, почему небесные сферы играют такую важную роль. В древней космологии Земля не просто плавала в безграничной пустоте.

Над ней располагались уровни. Небеса. Сферы светил. Семь классических небесных тел, видимых невооружённым глазом, формировали знакомую систему: Луна. Меркурий. Венера. Солнце. Марс. Юпитер. Сатурн. Порядок мог различаться в разных моделях, но сама идея семи планетарных сфер была чрезвычайно влиятельной. Каждая сфера могла быть связана с определённой силой. Качеством. Божеством. Днём недели. Человеческим темпераментом. Судьбой. Поэтому семь архонтов легко могли быть включены в такую космическую архитектуру. Но мы снова должны остановить слишком быстрый современный пересказ. Не существует единой таблицы, которую все древние гностики признавали официальной. Нельзя сказать: первый архонт всегда управлял именно этой планетой,

второй — именно этой, третий — именно этой, и так далее. Источники сложнее. Разные списки дают разные имена. Соответствия меняются. Некоторые тексты больше заинтересованы в космологии. Другие — в спасении. Третьи — в создании человека. Но фундаментальная картина остаётся узнаваемой: над земным миром существуют уровни власти. И душа, стремящаяся вверх, должна пройти через них. Теперь представим это глазами человека поздней античности.

Он смотрит ночью на небо. Видит светила. Они движутся с невероятной регулярностью. Солнце возвращается. Луна проходит свои фазы. Планеты следуют сложным, но наблюдаемым путям. Небо кажется воплощением порядка. Если земная жизнь хаотична, небеса выглядят противоположностью.

Там существует закон. Вот почему было естественно предположить, что земная судьба каким-то образом связана с небесным порядком. Но гностическая интерпретация переворачивает эту интуицию. Что, если порядок небес — не знак высшей свободы? Что, если это механизм необходимости? Планета не выбирает свою орбиту. Она движется согласно установленному пути. Сфера вращается. Цикл повторяется. Всё предсказуемо. И если человек находится под властью этих сфер, тогда его жизнь тоже включена в космическую машину. Этот образ очень важен. Не хаос как тюрьма. Порядок как тюрьма. По этой причине судьба так опасна. Она не выглядит как нападение. Она выглядит как закон природы.

Если что-то происходит один раз, человек может сопротивляться. Если что-то происходит всегда, он начинает считать это неизбежным. Именно повторение превращает ограничение в норму. Рождение. Рост. Желание. Страх. Размножение. Старение. Смерть. Новое рождение других людей. Цикл продолжается. Современная теория планеты-тюрьмы позднее добавит сюда ещё один элемент: повторную реин-

карнацию одной и той же души. Но мы пока не имеем права автоматически переносить эту модель назад. В древних текстах существуют идеи возвращения души в тело и повторного воплощения, однако они встроены в конкретные религиозные системы и не всегда совпадают с современной теорией бесконечного «перезапуска» человека после стирания памяти.

Это различие станет особенно важным позже. Пока нас интересует судьба как связь. В «Апокрифе Иоанна» она соединена с так называемым поддельным или имитирующим духом. Это ещё один термин, который легко понять неправильно. Речь не обязательно идёт о втором сознательном существе внутри человека. Смысл сложнее. Поддельный дух действует как сила, которая имитирует истинную духовность, но тянет человека в сторону низшего порядка. Он связан со страстями. Забвением. Неведением. Судьбой. Это своеобразный внутренний механизм архонтической системы. Правители больше не находятся только на небесах. Их порядок воспроизводится внутри человеческого состояния. Это чрезвычайно важный шаг. Если власть существует только снаружи, человек может увидеть врага.

Если власть становится внутренней, человек начинает принимать её импульсы за собственные. Желание говорит: я хочу. Страх говорит: я должен. Гнев говорит: я прав. Привязанность говорит: без этого я не существую. Человек редко спрашивает: откуда возник этот импульс? Он просто пе-

реживает его как себя. Именно поэтому позднейшие интерпретаторы гностицизма будут видеть здесь почти психологическую модель контроля. Но необходимо ещё раз повторить: древний автор не писал современный трактат о подсознании. Мы используем психологические сравнения только для понимания структуры. Для самого текста силы судьбы имеют космическое и религиозное значение. Они реальны внутри его картины мира.

И освобождение требует помощи высшего Духа. Тем не менее сама идея поразительна. Система становится наиболее сильной тогда, когда человек перестаёт отличать её голос от собственного. Представьте человека, который родился в обществе с одним законом. Ему никогда не показывали другой способ жизни. Он не просто соблюдает закон. Он считает его естественным. Если кто-то предложит альтернативу, первая реакция может быть не любопытством, а страхом. Почему? Потому что нарушение известного порядка ощущается как угроза самому миру. Так действует судьба в мифологической форме. Она говорит: так должно быть. Не спрашивай почему. Поэтому гнозис разрушителен для судьбы.

Он задаёт вопрос: кто сказал, что должно? Если ответ: правители этого мира, следующий вопрос неизбежен: а кто дал власть им? Мы возвращаемся к проблеме Ялдабаофа. Любая власть архонтов основана на первоначальной ошибке. Главный правитель считает себя высшим Богом. Его подчинённые управляют космосом. Судьба связывает обитате-

лей космоса. Человек рождается внутри их системы. На каждом уровне нижестоящий принимает вышестоящий за окончательный. Гнозис ломает эту лестницу. Он не обязательно разрушает сферы. Он меняет отношение к ним. Ты не абсолют. Ты правитель уровня. Ты не источник. Ты посредник. Ты не окончательная судьба. Ты закон определённого мира.

Эта формула превращает духовное восхождение в отказ признавать абсолютность промежуточной власти. Но древняя космология делает этот отказ гораздо более драматичным. После смерти душа должна подниматься. И там её могут ожидать правители сфер. В различных мистических и религиозных текстах поздней античности встречается идея прохождения души через небесные уровни. Иногда она должна назвать имя правителя. Иногда предъявить знак. Иногда произнести формулу. Иногда показать, что обладает знанием. Современному читателю всё это может показаться магической бюрократией. Но структура очень логична внутри древней картины. Если космос разделён на области власти, выход требует прохождения границ. А граница предполагает проверку.

Кто ты? Откуда пришёл? Куда направляешься? На каком основании проходишь? Знание правильного ответа показывает, что душа больше не считает себя принадлежащей данному уровню. Это не просто пароль. Это заявление идентичности. «Я не ваш». Вот почему знание собственного происхождения становится практически важным. Если душа не

знает, кто она, любой правитель может определить её за неё. Ты принадлежишь этому миру. Возвращайся. Ты подчиняешься этой сфере. Оставайся. Ты связан судьбой. Продолжай цикл. Но если душа знает высшее происхождение, утверждение власти становится спорным. Не потому, что архонт исчезает. А потому, что его юрисдикция больше не принимается автоматически.

Современная теория ловушка души позднее использует почти ту же структуру. После смерти появляются существа. Они представляются авторитетами. Показывают прожитую жизнь. Вызывают чувство вины. Убеждают человека вернуться. В современной версии главная опасность заключается в том, что душа снова признаёт внешнюю власть и соглашается на очередное воплощение. Сходство с древней моделью действительно существует. Но между ними лежит огромная историческая дистанция. И мы не должны её стирать. Древний текст не описывает белый свет в туннеле как технологическую ловушку. Не описывает машину стирания памяти. Не говорит о ложных родственниках, встречающих душу после смерти. Не использует язык «контрактов души».

Все эти элементы появятся позже. Но древняя основа уже содержит: посмертное путешествие, уровни власти, опасность неведения, необходимость знания и возможность возвращения в низшее состояние. Вот почему современный синтез сможет возникнуть. Он не появится из ничего. Он возьмёт древние мотивы и встроит их в новую систему. Но

для нас пока существует более важный вопрос. Если судьба управляет жизнью, где заканчивается свобода? Древние тексты не всегда отвечают одинаково. И это одна из причин, почему нельзя превращать гностицизм в простой детерминизм. Если человек был бы полностью запрограммирован судьбой, гнозис не имел бы смысла. Невозможно освободить того, кто в принципе не способен выбрать пробуждение.

Поэтому внутри системы остаётся напряжение. Судьба сильна. Но не абсолютна. Архонты влияют. Но не обладают окончательной властью над высшим элементом человека. Поддельный дух способен вести человека к неведению. Но существует и Дух жизни. Есть влияние сверху. Есть возможность пробуждения. Есть выбор направления. По этой причине система представляет угрозу, а не математическую неизбежность. Если бы поражение было гарантировано, не существовало бы религии спасения. Всё было бы закончено заранее. Но гностический текст говорит обратное. Человек может проснуться. Может приобрести знание. Может перестать быть игрушкой судьбы. Это делает положение архонтов нестабильным. Они правят теми, кто принимает их порядок.

Но не способны окончательно уничтожить возможность воспоминания. Именно поэтому так важна тема забвения. Судьба и забвение идут рядом. Это не случайно. Чтобы человек полностью подчинился низшему порядку, недостаточно просто окружить его законами. Он должен забыть альтернативу. Если ты помнишь свободу, заключение ощущается как

заключение. Если никогда не знал ничего другого, заключение называется жизнью. Это одна из наиболее сильных идей всей рассматриваемой космологии. Система не обязательно должна постоянно убеждать человека в собственной истинности. Ей достаточно начать раньше, чем начинается его память. Ребёнок рождается. Открывает глаза. Мир уже существует. Ему дают имя. Учат языку.

Объясняют, что реально. Показывают, чего следует бояться. Говорят, кем он является. Он не сравнивает это знание с предыдущей картиной мира. У него нет предыдущей картины. И потому всё принимается с нуля. Современная теория планета-тюрьма сделает из этого буквальную гипотезу: память между воплощениями специально стирается. Но древний материал пока позволяет утверждать только более общую вещь: забвение является частью состояния, удерживающего человека внутри низшего космоса. Чтобы узнать, насколько близко древние тексты подходят к идее буквального стирания памяти, нам нужно исследовать этот мотив отдельно. Это будет следующая глава. Пока вернёмся к небесам. Семь сфер. Семь уровней.

Семь правителей. Почему число семь постоянно возвращается? Потому что древний наблюдатель знал семь движущихся небесных светил. Солнце. Луну. И пять планет, видимых невооружённым глазом. Они отличались от неподвижных звёзд. Двигались. Возвращались. Меняли положение. И потому естественно стали восприниматься как особые си-

лы. Человек, родившийся под определённой конфигурацией неба, считался включённым в её влияние. Так космос становился биографией. Небо входило в человека. А человек становился маленьким отражением неба. Это древняя идея микрокосма. Человек — малый мир. Космос — большой человек. То, что происходит наверху, имеет соответствие внизу. В гностической версии эта симметрия приобретает тревожный смысл.

Если небесами управляют архонты, а структура космоса воспроизводится внутри человека, тогда их власть может присутствовать не только вокруг него. Она присутствует в его телесной и психической организации. И освобождение требует не просто пролететь через семь сфер после смерти. Человек должен перестать принадлежать им уже сейчас. Это объясняет аскетические тенденции некоторых гностических движений. Если желание связывает человека с телом, если размножение продолжает материальную цепь, если страсти укрепляют идентификацию с низшим миром, тогда отказ от них может восприниматься как ослабление власти судьбы. Не все группы делали из этого одинаковые выводы. Нельзя говорить, что все гностики были безбрачными аскетами.

Источники показывают разнообразие. Но логика понятна. Если мир удерживает через привязанность, уменьшение привязанности становится формой освобождения. Здесь мы снова видим, насколько далека древняя модель от современной популярной эзотерики. Современный человек часто

ищет духовность для того, чтобы улучшить материальную жизнь. Получить больше. Привлечь любовь. Усилить успех. Проявить желаемую реальность. Для радикального гностического мышления такой подход мог бы показаться парадоксальным. Зачем использовать духовное знание, чтобы глубже укорениться в системе, от которой ты пытаешься освободиться? Это почти противоположные направления. Одно говорит: научись лучше управлять игрой. Другое: вспомни, что игра не является твоим домом. Поэтому гностическая свобода может выглядеть суровой.

Она требует пересмотреть не только страдание. Но и желания. Не только то, что человек ненавидит в мире. Но и то, что он боится потерять. Судьба связывает не только болью. Она связывает мечтой. Надеждой. Любовью. Страхом потери. Желанием повторить приятное. Не потому, что любовь сама по себе объявляется злом. А потому, что любая привязанность способна убедить человека: без этого мира я ничто. Для гностического мифа это ложь. Человек был чем-то до того, как стал частью низшего мира. И способен стать чем-то после выхода из него. Вот почему судьба никогда не получает последнего слова.

Она управляет временем. Но высшая реальность мыслится вечной. Она управляет телом. Но не источником духовного элемента. Она распределяет обстоятельства. Но не создаёт истинную сущность человека. Судьба — могущественный чиновник. Но не царь над Плеромой. И именно это де-

лает возможным путь вверх. Теперь перед нами почти полная архитектура тюрьмы. Внизу — человеческая жизнь. Над ней — сферы. В сферах — власти. Через всю систему проходит судьба. Внутри человека действует неведение. В памяти существует разрыв. И после смерти душа должна каким-то образом пройти через территорию тех же сил, которые управляли её жизнью. Это уже значительно ближе к тому, что позднее станет современной теорией планета-тюрьма.

Но пока отсутствует один фундаментальный механизм. Почему человек не помнит? Не просто не знает древних мифов. Не просто не понимает космос. Почему сама память о происхождении кажется отсутствующей? В «Апокрифе Иоанна» появляется удивительный образ: вода забвения. Человеку дают пить. И он перестаёт знать, откуда пришёл. Это ещё не современная машина стирания памяти. Но расстояние между двумя идеями внезапно становится значительно меньше. Забвению. Не метафорическому только. Не современному только. А древнему мотиву, из которого спустя века будет построена одна из самых тревожных частей теории планеты-тюрьмы. Чаша забвения.

Глава 8. Чаша забвения

Самая совершенная тюрьма не нуждается в стенах. Ей нужна амнезия. Если человек помнит свободу, заключение ощущается как заключение. Если помнит дом, изгнание остаётся изгнанием. Если знает, кем был до того, как оказался внутри системы, система никогда не сможет убедить его, что она является всей реальностью. Но что произойдёт, если память исчезнет? Не память о вчерашнем дне. Не способность вспомнить имя или лицо. Более глубокая память. Память о происхождении. Откуда я пришёл? Почему нахожусь здесь? Что существовало до этой жизни? Кем я являюсь помимо тела, имени и истории, которые получил после рождения? Если на эти вопросы нет ответа, человек начинает собирать свою идентичность из того, что видит вокруг.

Мир сообщает ему: ты родился здесь. Следовательно, ты отсюда. Ты имеешь это тело. Следовательно, ты и есть это тело. Ты не помнишь ничего до рождения. Следовательно, до рождения тебя не существовало. Ты видишь смерть других. Следовательно, смерть должна быть концом. Так незнание постепенно превращается в картину реальности. И именно поэтому мотив забвения настолько важен в гностических текстах. Он объясняет не только то, почему человек не знает высший мир. Он объясняет, почему человек даже не замечает, что что-то забыл. Это гораздо более глубокая форма

потери. Когда мы забываем ключи, мы знаем, что ключи существуют.

Когда забываем имя, чувствуем пустое место, где должно находиться воспоминание. Но если забыто само знание о том, что существовало нечто другое, пустого места может не быть. Человек не говорит: я забыл своё происхождение. Он говорит: у меня нет другого происхождения. Вот где забвение становится властью. В «Апокрифе Иоанна» этот мотив выражен необычайно прямо. Главный архонт и его власти создают судьбу. Из неё возникают цепи неведения и забвения. Творение становится слепым, чтобы не знать Бога, находящегося выше правителей. Но текст идёт ещё дальше. Позднее он говорит о воде забвения. Люди получают её для того, чтобы не знать, откуда они пришли.

Это один из тех фрагментов, которые особенно легко вырвать из контекста и превратить в современную теорию. Вода. Забвение. Утрата знания о происхождении. Сегодня почти неизбежно возникает ассоциация со стиранием памяти. И сходство действительно существует. Но сходство требует осторожности. Древний текст не описывает устройство. Нет машины. Нет технологии. Нет процесса, в котором умершая душа проходит через световой туннель и получает электрический разряд, уничтожающий воспоминания. Нет операторов, контролирующих специальный механизм реинкарнации. Все эти образы принадлежат гораздо более поздним теориям. В древнем тексте вода забвения является мифоло-

гическим механизмом. Она объясняет состояние человека. Почему он находится в мире и не знает, откуда пришёл?

Потому что забыл. Почему забыл? Потому что низший порядок заинтересован в том, чтобы он не знал. Это уже очень сильная идея. И для неё не требуется никакой современной технологии. Забвение само по себе выполняет функцию стены. Представьте человека, которого ночью увезли из его родной страны. Утром он просыпается в другом месте. Но он всё ещё помнит дом. Знает язык. Знает семью. Знает имя города. Он может не понимать, как вернуться, но существует направление.

Теперь представьте другое. Он просыпается в том же месте, но не помнит ничего. Люди вокруг дают ему новое имя. Рассказывают, что он родился здесь. Показывают дом. Говорят: это твоя семья. Объясняют законы. Сообщают, что за границей ничего нет. Как он сможет доказать обратное? Даже самому себе? Ему потребуется что-то, что не принадлежит новой системе. След. Голос. Сон. Воспоминание. Послание извне. Именно такую роль выполняет откровение в гностическом мифе. Оно не просто сообщает неизвестную информацию. Оно возвращает утраченное. Ты не изучаешь совершенно новую истину. Ты вспоминаешь. Это различие чрезвычайно важно. Гнозис часто описывают как тайное знание.

Формально это верно. Но выражение «тайное знание» легко создаёт неправильное впечатление. Будто существо-

вал закрытый клуб, члены которого знали список секретных фактов. Название настоящего Бога. Имена архонтов. Карты небес. Магические пароли. Такие элементы действительно встречаются в древних текстах. Но глубина гнозиса находится не в списке информации. Она в узнавании. Истина ощущается как возвращение к тому, что человек должен был знать изначально. Почти как пробуждение после сна. Это объясняет, почему сон и неведение так часто связаны. В «Ипостаси архонтов» правители погружают Адама в глубокий сон. Затем текст прямо поясняет: этот сон — неведение. Это не интерпретация современного комментатора.

Сам древний автор объясняет символ. Сон означает состояние, в котором человек не осознаёт истинное положение. Снова возникает связь с современной идеей пробуждения. Сегодня выражение «проснуться» используется настолько часто, что почти потеряло смысл. Политические движения говорят о пробуждении. Эзотерические школы говорят о пробуждении. Психологи говорят об осознанности. Теории заговора призывают «проснуться». Но в гностическом контексте пробуждение имело очень конкретное направление. Проснуться — значит узнать высшее происхождение. Увидеть ограниченность создателя мира. Осознать, что архонтическая система не является высшей реальностью. И восстановить связь с тем, что находится выше. Забвение делает обратное. Оно сжимает реальность до того, что находится перед глазами.

В этом смысле новорождённый человек идеально подходит для архонтического мира. Он ничего не помнит. Не знает языка. Не знает истории. Не знает даже собственного имени. Вся его картина мира будет построена после рождения. Система получает чистую поверхность. Это утверждение звучит почти как описание современной теории планета-тюрьма. Но здесь снова проходит граница. Древние авторы не обязательно говорят о последовательной серии предыдущих человеческих жизней, каждая из которых намеренно стирается перед новым воплощением. Их представление о происхождении души, спасении и воплощении может быть гораздо сложнее. В некоторых текстах душа действительно может возвращаться в тела. В других акцент находится не на циклической реинкарнации, а на освобождении от материального мира.

Поэтому нельзя взять одну фразу о воде забвения и заявить: вот доказательство, что гностики верили в современную ловушка души. Это было бы исторически нечестно. Но столь же нечестно было бы утверждать, что между идеями нет никакой связи. Связь есть. И она чрезвычайно интересна. Древняя модель содержит три элемента, которые позднее окажутся центральными в современной теории.

Первый: человек происходит не полностью из материального мира. Второй: он не помнит своё истинное происхождение. Третий: его забвение связано с силами, управляющими низшим космосом. Для возникновения современной кон-

цепции остаётся добавить несколько элементов: повторное воплощение, намеренное стирание памяти после смерти, механизм возвращения, и цель, ради которой цикл поддерживается. Эти элементы появятся позднее. Но фундаментальная сцена уже существует. Человек входит в мир без памяти. И это выгодно правителям. Почему? Потому что знание разрушает власть. Если человек не знает, что существует выше Ялдабаофа, он может принять Ялдабаофа за Бога. Если не знает, что существует Плерома, может принять космос за всё существующее.

Если не знает собственного происхождения, может принять архонтическую систему за естественный дом. Забвение делает ложь ненужной. Это удивительно. Обычно мы представляем контроль как постоянный обман. Правитель должен ежедневно говорить людям неправду. Но если память исчезла, человеку можно почти ничего не говорить. Он сам сделает выводы из доступной реальности. Он увидит мир и скажет: это всё. Увидит тело и скажет: это я. Увидит смерть и скажет: это конец. Не потому, что кто-то обязательно шепчет ему эти утверждения. А потому, что у него нет воспоминания, с которым можно было бы их сравнить. Так забвение превращается в фундаментальную эпистемологическую проблему.

Как узнать то, чего не помнишь? Гностический ответ: истина приходит извне системы и одновременно откликается внутри человека. Это почти парадокс. Если знание совер-

шенно чуждо, человек может не узнать его. Если оно уже полностью присутствует, откровение не требуется. Поэтому истина действует как напоминание. Посланник говорит. Внутренний элемент узнаёт. Это объясняет мотив «зова». Человек слышит нечто и ощущает: я не знаю, почему, но это знакомо. В религиозном языке подобное чувство может считаться признаком духовного происхождения. В современном психологическом языке мы могли бы объяснять его совершенно иначе. Для нашего исследования важно не решать заранее, какое объяснение истинно.

Важно понять функцию мотива. Гнозис возвращает ориентацию. Забвение её уничтожает. Представьте компас, который продолжает существовать, но его шкала стёрта. Стрелка движется. Но человек не знает, что означает север. Он может идти. Может выбирать направление. Может даже считать себя свободным. Но без ориентира невозможно понять, приближается он к дому или удаляется от него. Гностический человек находится именно в таком положении. Он обладает внутренним элементом высшего мира. Но не знает, куда тот указывает. Пока не приходит знание. Вот почему освобождение начинается не после смерти. Оно начинается здесь. Если человек ждёт смерти, оставаясь в полном неведении, смерть сама по себе не обязательно решит проблему.

Это станет важнейшей темой следующей главы. Современная культура часто предполагает, что после смерти всё автоматически станет понятно. Тело исчезнет. Сознание

увидит истину. Все вопросы получают ответы. Но многие древние мистические системы не разделяли такую уверенность. Смерть могла быть лишь переходом. Душа после неё всё ещё могла оставаться невежественной. Всё ещё могла встретить правителей. Всё ещё могла быть обманута. Всё ещё могла не знать собственного происхождения. И если это так, подготовка должна происходить до смерти. Именно здесь гностические тексты сближаются с другими древними традициями, которые учили человека тому, как действовать после смерти. Знать путь.

Знать имена. Знать собственную природу. Не поддаваться страху. Не принимать каждую встреченную сущность за высшую власть. Но прежде чем мы войдём в эти врата, необходимо закончить тему забвения. Потому что вода забвения — не единственный образ. Существует ещё один. Опьянение. Некоторые гностические тексты используют язык пьянства для описания состояния человека в материальном мире. Человек пьян, но не вином. Он опьянён существованием. Не осознаёт своего положения. Двигается, говорит, желает, страдает — и не видит общей картины. Когда опьянение проходит, он «трезвеет». Это ещё один вариант пробуждения. Сон. Пьянство. Забвение. Слепота. Все эти метафоры описывают одну фундаментальную проблему: человек не видит реальность такой, какой она является.

Интересно, что подобные образы применяются и к самим архонтам. Главный правитель слеп. Человек спит. Творение

забывает. Получается целый космос нарушенного восприятия. Высший источник не скрывается обязательно за непроницаемой стеной. Проблема может быть в способности воспринимать. Ялдабаоф смотрит вверх и не видит. Человек смотрит внутрь и не помнит. И каждый заключён в ограниченности собственного горизонта. Разница в том, что человек способен этот горизонт преодолеть. Почему именно человек? Потому что в нём присутствует элемент, не происходящий полностью от слепого создателя. Снова возвращается божественная искра. Если бы человек целиком принадлежал архонтической системе, никакое воспоминание о высшем было бы невозможно.

Но он не принадлежит ей полностью. Следовательно, забвение должно быть поддерживаемым состоянием. Это не его окончательная природа. Он может вспомнить. В этом состоит надежда всего мифа. И одновременно причина, по которой забвение настолько необходимо системе. Человек, который помнит, становится трудноуправляемым. Не обязательно социально бунтующим. Не обязательно политически опасным. Гностическая проблема глубже. Он перестаёт признавать космическую власть абсолютной. Даже если тело остаётся подчинено законам природы, внутреннее согласие исчезает. Смерть больше не является окончательным аргументом. Страх перед правителями ослабевает. Судьба становится локальной. Земная идентичность — временной. Если этот человек действительно верит, что происходит из об-

ласти выше космоса, угрожать ему космосом становится гораздо труднее.

Это объясняет связь между забвением и страхом в «Апокрифе Иоанна». Забвение создаёт неизвестность. Неизвестность создаёт страх. Страх усиливает привязанность к тому, что кажется безопасным. А безопасность почти всегда находится внутри знакомой системы. Так формируется замкнутый круг. Человек не помнит внешнего мира. Поэтому боится покидать известный. Поскольку боится покидать известный, ещё сильнее привязывается к нему. Чем сильнее привязан, тем меньше интересуется возможностью существования чего-то за его пределами. Тюрьма постепенно перестаёт требовать охраны. Но существует момент, когда эта логика ломается. Смерть. Как бы человек ни был привязан к миру, тело всё равно заканчивается. Система не может удерживать его физически бесконечно.

Если внутри человека действительно существует элемент, не принадлежащий материальному миру, что происходит с ним после смерти тела? Вот здесь гностическая космология обязана дать ответ. И она его даёт. Душа должна двигаться. Вверх. Через области власти. Через сферы. Через врата. Через тех, кто может потребовать от неё объяснить, кто она. А если она всё ещё не помнит? Вот тогда забвение перестаёт быть просто состоянием земной жизни. Оно становится опасностью на границе.

Представьте путешественника без паспорта, который не

помнит своего имени. Он подходит к контрольному пункту. Страж спрашивает: кто ты? Он не знает. Откуда пришёл? Не знает. Куда идёшь? Не знает. Кому принадлежишь? И здесь страж может дать ответ за него. Ты принадлежишь нам. Вернись. По этой причине знание перед смертью становится знанием для смерти. Не чтобы избежать самой смерти. А чтобы не потеряться после неё. Здесь древняя гностическая модель начинает опасно приближаться к современной истории о ловушке души. Но пока между ними остаётся важнейшее различие. В древнем тексте проблема — не специальная машина, уничтожающая память после каждого воплощения.

Проблема — духовное неведение как состояние низшего мира. Современная теория превратит состояние в процедуру. Мифологический образ — в механизм. Забвение — в операцию. И именно этот переход мы будем исследовать позже. Пока же достаточно признать нечто неожиданное. Тема памяти не была добавлена к архонтам интернетом. Она уже находилась в древнем материале. Забвение. Неведение. Сон. Слепота. Вода, заставляющая человека не знать, откуда он пришёл. Это реальные мотивы текстов. Но то, что они означают, нельзя решать заранее. Может быть, это религиозные символы отчуждения человека от Бога. Может быть, мистический язык внутреннего опыта. Может быть, мифологическая попытка объяснить фундаментальное человеческое незнание.

Современные сторонники теории планеты-тюрьмы пред-

ложат другое прочтение: они скажут, что древние авторы описывали буквально тот же механизм, который сегодня называют стиранием памяти. Это утверждение потребует намного больше доказательств. Мы к нему ещё вернёмся. Сейчас существует более непосредственный вопрос. Если человек забыл происхождение, но после смерти должен пройти через управляемый космос, кто встретит его по дороге? И что произойдёт, если он не сможет ответить? Впервые наша история покидает жизнь. До сих пор мы говорили о теле, судьбе и неведении.

Теперь необходимо посмотреть на то, что древние тексты помещали за границей смерти. Не рай в привычном смысле. Не мгновенное освобождение. А путь. Области. Стражей. И врата.

Глава 9. Врата после смерти

Смерть не обязательно открывает дверь. Иногда она приводит к следующей двери. Это одна из самых тревожных идей древних мистических традиций. Современный человек часто представляет смерть как окончательное разоблачение. Пока мы живы, всё неясно. Мы спорим о Боге. О душе. О сознании. О том, существует ли что-нибудь после тела. Но смерть, как принято думать, должна прекратить спор. Если после неё ничего нет, вопрос исчезает вместе с нами. Если что-то есть, мы наконец увидим правду. Кажется логичным. Но некоторые древние тексты предполагали совершенно другое. Что, если смерть снимает только один слой неведения? Что, если человек оставляет тело, но не становится автоматически всезнающим?

Что, если сознание может продолжать существовать и всё ещё не понимать, где находится? Не знать, кому доверять. Не знать собственного происхождения. Не знать пути. Тогда смерть перестаёт быть ответом. Она становится экзаменом. И именно здесь древняя космология архонтов приобретает своё наиболее практическое значение. Если космос имеет уровни, если уровнями управляют власти, если человек находится внутри их юрисдикции, то смерть тела не обязана мгновенно перенести его за пределы всей системы. Она может всего лишь освободить его от одного уровня. Путь

ещё впереди. В позднеантичной религиозной литературе постоянно встречается идея небесного восхождения. Она не принадлежит только тем текстам, которые принято называть гностическими.

Еврейские апокалиптические произведения описывали небеса и ангельские области. Герметическая традиция знала восхождение через планетарные сферы. Различные мистериальные системы говорили об очищении и посмертном пути. Поздняя античность вообще не воспринимала пространство между человеком и высшим божественным миром как пустоту. Между ними могли находиться уровни. Силы. Стражи. Власти. Именно поэтому идея прохождения после смерти не выглядела странной. Станным для древнего человека могло быть скорее наше современное представление о том, что душа мгновенно перескакивает из тела непосредственно в окончательное место назначения. Для некоторых мистических систем путь был сложнее. И чем сложнее космос, тем сложнее выход.

В одном из текстов Наг-Хаммади, известном как «Первый Апокалипсис Иакова», эта идея выражена с поразительной конкретностью. Иаков получает наставление о том, что произойдёт, когда он окажется во власти определённых сил. Перед ним появляются три существа. Текст сравнивает их с теми, кто собирает пошлину. Они требуют ответа. Кто ты? Откуда ты? Это не философский разговор. Ответ определяет возможность прохождения. Иаков должен утверждать, что

происходит от предсуществующего Отца. То есть главный вопрос на границе оказывается вопросом идентичности. Не: сколько добрых дел ты совершил? Не: какой народности ты принадлежал? Не: какой профессией занимался? Не: сколько лет прожил?

Кто ты? И откуда ты? Вся гностическая космология сжимается в этих двух вопросах. Если человек отвечает именем, полученным при рождении, этого недостаточно. Если называет земного отца, этого недостаточно. Если указывает город, страну или род, он всё ещё описывает себя языком мира, который пытается покинуть. Правильный ответ указывает выше. Моё происхождение не заканчивается здесь. Я принадлежу Источнику, существовавшему до этой системы. В этом и заключается сила гнозиса. Он подготавливает человека к моменту, когда привычные документы больше не работают. Паспорт остаётся с телом. Деньги остаются. Дом остаётся. Социальное положение исчезает. Даже имя, которым человека называли десятилетиями, может оказаться лишь именем одной временной личности.

Что останется, если убрать всё это? Гностический ответ: происхождение. Именно его необходимо знать. Образ сборщиков пошлыны особенно интересен. Он превращает космос в территорию с границами. Пошлину собирают там, где существует власть. Там, где кто-то претендует на право остановить проходящего. В древнем мире дорожные заставы, налоги, таможенные сборы и контроль территорий были знако-

мой частью жизни. Перенос этого образа в небесный мир делал посмертное путешествие понятным. Душа покидает одну область. Подходит к границе другой. Страж спрашивает: на каком основании ты проходишь? Мы уже встречали похожую идею в предыдущей главе.

Теперь она становится конкретной. Но здесь легко совершить ошибку. Современный читатель может сказать: вот они — агенты ловушка души. Вот древнее описание существ, которые ловят душу после смерти. Это слишком быстрый вывод. Текст действительно описывает власти, способные задерживать души. Он действительно связывает прохождение с правильным знанием. Но он не описывает современную систему повторной реинкарнации с технологическим стиранием памяти. Не говорит, что стражи притворяются умершими родственниками. Не описывает тоннель света как приманку. Не рассказывает о контрактах души. Мы всё ещё находимся в позднеантичной религиозной космологии. Связь с современными теориями существует. Тождество — нет.

Это различие будет становиться всё важнее. Потому что древние тексты дают современному воображению очень сильный материал. Представьте саму сцену. Человек умирает. Оказывается в незнакомой реальности. Перед ним появляются существа, обладающие властью. Они задают вопросы. Предъявляют право остановить его. И единственное, что позволяет пройти, — знание собственной истинной природы. Даже без современных дополнений эта картина уже до-

статочно тревожна. Но существовали и гораздо более сложные системы. В «Пистис Софии» космическая география расширяется почти до бюрократии света. Там есть зоны. Области. Правители судьбы. Пути середины. Стражи. Печати. Мистерии. Области Света. Душа, получившая определённые мистерии, способна проходить через уровни, которые иначе удерживали бы её.

Следует сразу отметить: «Пистис София» не является тем же самым произведением, что «Апокриф Иоанна» или «Ипостась архонтов». Она принадлежит иной текстовой среде. Её космология гораздо сложнее. Её терминология отличается. Она представляет другой этап развития соответствующих традиций. Поэтому нельзя собрать из всех этих произведений одну карту и назвать её официальной картой загробного мира гностиков. Такой карты не существовало. Но повторяющийся мотив очевиден. После смерти существуют области. Областями управляют силы. Душа может быть задержана. А знание, посвящение или принадлежность к высшей реальности позволяют ей пройти дальше. Это уже достаточно, чтобы увидеть общий принцип. Смерть сама по себе не спасает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.